

Горничная с секретом

Автор:

[Диана Хант](#)

Горничная с секретом

Диана Хант

Влюбиться в нанимателя – худшее, что могло со мной произойти. И уж совсем никуда не годится влюбиться лорда, который женится на другой. К тому же на моих плечах забота о мальчике, который с большим трудом учится ходить, одной крохотной сладёне и старом ведьмаке, что вырастил меня, как свою дочь. Какое мне дело до теряющих красоту и молодость служанок и детей, уходящих в лес? Мне следует получить расчёт и бежать, бежать из Замка-на-Горе со всех ног! Но почему так хочется открыться зеленоглазому лорду, так влюблённому в свою невесту и... остаться. Хотя бы ненадолго.

Диана Хант

Горничная с секретом

Часть I. Замок-на-горе

Глава 1

Зеленоглазый лорд пытался меня поцеловать. Я осторожно отступала, пока не упёрлась спиной в стену.

– Как же ты пахнешь, Диана... как же ты сегодня пахнешь... – прошептал мужчина, зарываясь носом в мои волосы.

К моему несчастью, на поцелуй и это вытирание носа зеленоглазый имел полное право: даже такая закоренелая блюстительница морали, как мистрис Гремлих не видела дурного в поцелуях накануне свадьбы. А потому сквозь пальцы смотрела на пребывание своей подопечной в одной комнате с женихом. Наедине. При открытой двери, разумеется...

Вот и лорд Сварт считал, что он в своём праве... Поймав меня в ловушку своих рук, он продолжил осаду с новым напором!

Склонившись к самым губам, прошептал:

– Один поцелуй, леди Ди... всего один.

И сразу мазнул твёрдыми горячими губами по скуле, губам... Так мимолётно, почти неуловимо, вскользь!.. я даже растерялась! Ни разу ещё мужские губы не касались моего лица. Неужели первый в жизни поцелуй окажется таким... мм... ни рыба, ни мясо... непонятно даже – был он или нет?

Недоумевая, подняла лицо, и коварный лорд тут же этим воспользовался!

Прижался губами к губам, сдавил горячими ладонями плечи...

И на этот раз поцелуй был настоящим! Тот самый, о которых пишут в сентиментальных романах. Даже ещё лучше! Этот поцелуй пугал, будоражил, делал колени слабыми. Кружил голову и заставлял забыть о дыхании. Словом, не поцелуй, а чистый восторг!

Даже не представляла, что так бывает!

– Ах... – порывисто вдохнув, приоткрыла губы и в ту же секунду мир сошёл с ума!

Точно помню, до того у лорда, целующего свою невесту, было всего две руки. Сейчас же он ощущался по меньшей мере шестируким!

Знаю, это безумие какое-то, но руки сами обвились вдруг вокруг мужской шеи. Захотелось отчаянно, чтобы это волшебство не заканчивалось. Никогда-никогда...

Разочарованно выдохнула, когда поцелуй всё-таки прервался.

Мужские горячие пальцы подхватили подбородок, не позволяя отвести взгляд.

Хозяин Замка-на-Горе вглядывался в мои глаза с такой жадностью и настойчивостью, что теперь колени подкосились уже совсем по другой причине. Конечно, я давно обуздала свою способность к обороту, и «неожиданностей» не случалось последние лет десять так точно, но всё же... Первый и такой неожиданный поцелуй начисто выбил меня из колеи, а потому... чем шерп не шутит.

То есть бережёного, как известно, и Вещунья бережёт.

Воспользовавшись образовавшейся лазейкой, я рванула в приоткрытую дверь! Прочь из малой гостиной, мимо дремлющей над вязанием мистрис Гремлихь, которая лишь хитро и подслеповато улыбнулась поверх очков вслед своей подопечной, но выговор за аморальное поведение делать не стала, мимо вытянувшихся по струнке горничных, преданно поедающих глазами будущую хозяйку Драконьего Гнезда, мимо почтительно склонившего голову старого лакея...

Конечно, не слишком-то вежливо вот так сбегать от жениха, не попрощавшись и не объяснив причины, но, в конце концов, пусть с ним потом леди Ди сама объясняется.

Уговор был – отвлечь лорда! Ненадолго!

И со своей задачей я справилась.

Оказавшись в безлюдном коридоре, задышала ровнее.

На ходу меня личину, перешла на шаг, оправила кокетливые оборки на переднике горничной.

Сердце тревожно ёкнуло.

- Не-е-ет! - вырвалось помимо воли вслух.

Только не это!

Лорд Сварт и не думал дать своей невесте возможности повздыхать и поахать по поводу обманом сорванного поцелуя! Он шёл за мной! А представать перед ним в амплуа горничной леди Ди... нет уж, увольте! Пристанет с расспросами, где хозяйка, что я ему скажу?

Тень у стены вдруг зашевелилась. Послышался тихий стон.

В момент я опустилась на колени перед распростёртым на полу девичьим телом. Я сразу узнала пухленькую рыжую девчушку с блёклыми рыбьими глазами и глуповатым взглядом. Видела её сегодня на кухне. Рядом с девчонкой валялась на боку пустая корзина.

Вышла, должно быть, за чем-то и сомлела. А может после кухонного чада глотнула воздуха... бывает. Хотя выглядит девушка крепкой. Утром, по крайней мере, была «кровь с молоком»! Оглядев её бегло, поняла, спит. Вот только глаза запавшие, осунувшееся лицо бледное и дыхание нездоровое, прерывистое. Впрочем, чему удивляться – пол-то каменный! Не хватало дурёхе лихорадки.

- Нет, милая, так не пойдёт, - я подхватила не желающую просыпаться девушку подмышки и втащила в нишу, завешенную пологом гобелена, на низкую, покрытую ковром софу.

- Так-то лучше, - вдохнула в приоткрывшиеся во сне губы толику силы, и девушка тотчас же задышала ровно, щёки её заалели.

Сама же, приняв её облик и подхватив корзинку, устремилась на кухню. Прятаться. Хоть теперь можно встречи с любителем поцелуев не опасаться: девчонку с кухни на предмет нахождения своей ненаглядной пытаться не станет, но лучше всё же перебдеть, чем недобдеть...

– Марыська!!! – оглушила меня с порога толстуха с красным лицом, в чепце и переднике. Гневный вопль её даже кухонный гвалт заглушил. – Где ты лазаешь, бездельница такая!

И всё же я выдохнула с облегчением.

Здесь чадили котлы, шкворчали сковороды, булькали кастрюли, между которыми сновалистряпухи и поварята – ощущение, что готовка велась на целое войско. Ну да на замковых кухнях всегда так.

– Грибы где? – наседала толстуха. – Корзину давай скорее!

Ах вот оно что.

Вряд ли рыженькую посылали за грибами в лес, скорее на чердак, за связками сушёных.

Поспешно потупившись, я принялась ковырять носком грубого ботинка пол.

– Я только было... а там... мыши... ну я и дала дёру, – переминаясь с ногу на ногу и стараясь смотреть глуповато, как Марыська, промямлила я.

Толстуха беззлобно замахнулась.

– Дёру она дала! Небось опять по замку шастала, поганка такая, зенки свои бесстыжие на хозяйское добро пялила? Эх, выдрать бы тебя хворостиной по заднице так, чтобы всю дурь из башки выбить, да жаль, недосуг. Сама схожу. А ты сюда иди, нечего стоять зенками своими бесстыжими блыпать! Вона, рыбу давай-ка чисть!

Кто бы спорил, только не я. Рыбу чистить я умею! В рыбацкой деревне научилась, девчонкой ещё. К тому же это не просто рыбка, это ихшан! Самый настоящий, наш, северный. Во всех Девяти Королевствах за деликатес почитается. И правильно, кстати. Крупный, аж по локоть, жирнющий, с лоснящейся серебристой шкуркой и сочным розовым мясом. С рассыпчатой отварной картошечкой и помидоркой просто мм... пальчики оближешь. А что до хм, специфического запаха в свежем виде, так это просто шкура у ихшанчика

пованивает, ничего не поделаешь. К тому же сейчас меня вся эта специфика, сиречь несусветная вонь, исходящая от ведёрка с лоснящимися рыбьими тушками более, чем устраивает...

Несмотря на то, что на совесть «сожгла за собой мосты», я продолжала до сих пор чувствовать прикосновение горячих губ, ощущать твёрдые ладони на плечах. А это могло означать только одно: лорд близко. Может, по пятам и не идёт, но рыщет где-то неподалёку, зараза зеленоглазая!

Где же леди шерпы носят?!

Эх, не надо было позволять ему себя целовать, ну дак кто ж знал.

Впрочем, стойкое амбре ихшана – самое то, чтобы переключиться на иные, более правильные и приземлённые мысли и перестать невольно «звать» зеленоглазого.

Кстати, запах рыбки с нежным розовым мясом ещё не самый главный её недостаток! Чистится ихшан прямо скажу, ценой нервов, пальцев и пролитых слёз. Чешуя ну очень царапучая. И вообще рыбка с сюрпризами. Мёртвой голове палец в рот не суй, цапнет. И шкурка от плоти отделяется крайне неохотно. При этом чистить надо быстро! После чего также быстро подтушить филе на капустных листьях в специальных специях – капуста миглом впитает остатки запаха. И вот ихшан становится пригоден для дальнейшей готовки...

Стряпуха стояла над душой, посапывая и инспектируя. С выражением лица, точь-в-точь как у мистрис Гремлихь, когда леди Ди капитаны да фельдмаршалы комплиментами забрасывают. Не найдя, к чему придраться, толстуха фыркнула и легонько заехала мне, то есть, Марыське, по шее. Надо думать, для острастки.

Лишь убедившись, что ихшану в Марыськиных не по возрасту загрубевших (и весьма неуклюжих) руках ничего не угрожает, стряпуха подхватила давешнюю корзину, и, гордо покачивая всеми подбородками, направилась к выходу.

Чтобы не дойдя до двери, замереть на месте, аки солдат на плацу!

Что сказать, замерла и я.

Потому что на кухню вошёл зеленоглазый лорд.

Глава 2

Весь облик лорда Сварта, от длинных пальцев с фамильными перстнями и до кончиков волос, забранных в низкий хвост, был настолько чужд самому кухонному пространству, что в первую секунду я часто заморгала, подумала даже, привиделось.

Ну чисто ястреб, по ошибке угодивший в курятник!

Хранитель Севера и походил на ястреба своим пристальным, немигающим взглядом из-под густых чёрных бровей.

Несмотря на отнюдь не маленькие размеры замковой кухни, возникало ощущение, что она зеленоглазому попросту мала.

Показалось вдруг, что вот сейчас он поведёт своим шикарным разворотом плеч – и покрытые копотью стены рухнут, а связки чеснока и трав погребут нас всех под собой!

Несуразная картинка предстала перед глазами так явно, что пришлось помотать головой, отгоняя эту чушь.

Не в силах отвести взгляд от лорда, постаралась напустить на себя самый глупый вид, на который только была свободна. Думала даже нитку слюны изо рта пустить, да решила, что всё же перебор.

– Ваша светлость... а как же...

Стремительный взгляд сузившихся глаз на толстуху.

– Нет-нет, мы ничего, мы тут вот...

– Не ждали вас, вот.

Лорд Сварт хмуро переводил взгляд с одного лица на другое. И при этом двигался. Так гармонично, что движения этого глаз как будто не замечал. Казалось, лорд плывёт в облаках кухонного чада... О, как же пугающе он двигался! С ленивой грацией дикого зверя, готового к прыжку!

Высокий, статный, волосы цвета воронового крыла... В длинном камзоле с серебряной вышивкой чардрева на груди. Зелёные кошачьи глаза прищурены. На носу небольшая горбинка, которая очень ему идёт, а ноздри расширяются, точно у зверя, что взял след... Скулы, как у истинного северянина широкие. Губы, такие нежные и настойчивые совсем недавно, сейчас плотно сжаты. Их обрамляют коротко подстриженные усы и аккуратная овальная бородака...

Об заклад побиться готова: если б можно было взглядом подзатыльники отвешивать, толстуха мне сейчас башку с плеч снесла бы. С одного удара. Потому что смотрю на лорда, как замороженная, с открытым ртом! Рыбьими Марыськиными глазами блымаю, кулёма.

А он тем временем, незаметно так, ко мне приблизился!

– Не видел тебя здесь раньше, дева, – проговорил до того низким и бархатным голосом, что все стряпухи слаженно, и, к счастью, беззвучно (почти) сказали: «Ах!»

А я подумала, что может, нитку слюны пустить не такая уж дурная идея была...

– Мммы-ы-ымм, – покивав, ответила интеллигентно и лягнула первое, что на ум пришло: – Мне вас... то бишь мы вас... то бишь, того... здесь... тож впервой наблюдаем, ваше лордское святилищ. ство!

Красное лицо главной стряпухи пошло белыми пятнами.

Остальные захмыкали, давясь смехом и прикрывая лица фартуками. Поварята – те в голос приснули и поспешно поприседали, скрываясь под столами.

А лорд ничего, только заморгал часто.

Но, слава Вещунье, отпрянул. Немного.

И на том, как говорится, спасибо.

Оглянулся на толстуху вопросительно.

Та аж присела.

И запричитала елейным голосом:

– Так ведь племяшка это моя, вашшшство, дочка сестры почившей и зятя-охотника, покойник он нынче тоже, – стряпуха деловито смахнула несуществующую слезу и бегло осенила рот знаком солнца. После чего запричитала ещё быстрее и жалобней: – Пил он в чёрну голову, зятёк мой непутёвый, ой пи-и-ил... Вот и Марыська, сами видите, не отличается умом, акромья глупости, даром, что сирота круглая, горемычная... А вообще девка она добрая, работающая...

Глаз лорда дёрнулся, и стряпуха тут же осеклась, замолчала подобострастно, а я старательно подавила улыбку. Знать, не спускался лорд прежде на кухню и впредь поостережётся...

– Из Нижних Погребцов Марыська, временно вона, к делу, значит, её пристроила, подсобить на кухне, свадьба ж... Девка она крепкая, выносливая, как молодая ослица, даром, что не умнее Ясиного поросёнка...

Рука зеленоглазого дёрнулась, словно хотел дотронуться до меня, но в последний момент передумал. Чтобы передумал наверняка, громко икнула, вроде как от избытка эмоций при такой непосредственной близости от самого, – как я его обозвала? – святилищ. ства, вот. Расхрабрившись, ещё и носом шмыгнула, преданно поедая глазами нанимателя, и даже улыбку изобразила. Рот, понятно, закрывать для этого не стала.

Краем глаза увидела, как на этот раз под стол, сотрясаясь от беззвучного хохота и старательно закрывая себе ладонью рот, сползла молоденькая стряпуха.

Лорд же задумчиво приподнял бровь и вновь обернулся к главной стряпухе.

– Свадьба вроде только через месяц?

– Так заготовки, вашшество, приготовления... И миледи распорядились ещё деревенских нанять... Как же, как же!

При упоминании о леди Ди зелёные глаза подёрнулись мечтательным туманом, и я с трудом подавила порыв прикусить губу. Живая демонстрация такой искренней влюблённости в мою хозяйку неприятно царапнула душу.

Хозяин замка уже развернулся было в сторону дверей, и я почти даже выдохнула с облегчением... как вдруг он обернулся! Резко! Словно рассчитывал застать меня врасплох. А я что? Подобострастно глазами заблывала, испарину со лба вытерла. А то, что пальцы все в ароматной до вылезших глаз чешуе ихшана, право слово, такая ерунда.

– Значит, сирота, – проговорил хозяин замка задумчиво. – Что, нужна работа тебе, дева... Марыся?

Закивала энергично, рискуя оторвать при этом к шерпам голову.

– Уж как нужна, как нужна, ваше святелшшство! Уж я за вас еженощно лампадку вешать стану и Заступницу молить, чтоб послала жонку жуть какую страсную и деточек полный замок! Да я следы ваши лобызать буду, отец родной! Ноженьки белы мыть и воду пить! А желаете, прям счас и начну?!

И торопливо вытерла губы, а скорее, размазала и по ним рыбью шелуху. Гулять так гулять, а что ж.

– Ну уж, – наконец, смутился лорд и под раскатистый гогот добавил: – Обойдёмся без... лобызаний.

После чего, наконец, покинул кухню.

Хвала Вещунье!

Вот правда, аж пальцы зачесались лампадку-таки повесить!

От очередного подзатыльника «тётки» я, наущенная недавним опытом, увернулась. Подозреваю, с несвойственной настоящей Марыське резвостью.

После чего, не глядя, ловко опрокинула миску с почищенной рыбой на сковороду, очистки же определила в помойное ведро.

Раздалось слаженное:

– А-а-а!

– Вот же растяпа!

И...

– Твою ж мать за ногу!

– Ты что ж творишь, злыдня криворукая?! – всплеснув руками-окорочками, прогудела «тётка».

Я недоумённо проследила за её взглядом и изрекла глубокомысленное:

– Ой.

С листьев капусты в дико дорогих специях бессмысленно тарасили глаза рыбы головы, все в липкой тробухе и чешуе. В помойке же среди овощных очистков сиротливо покоились любовно и на совесть вычищенные мной розовые тушки...

– Я исправлю! Искуплю... Кухню выдраю, хотите? Котлы песком начищу...

– Куда ты денешься! – сотрясая мясистыми кулаками, прогудела «тётка». – У-у-у!! Отродье!

...К тому времени, как меня выпустили из кастрюльно-котлового рабства, сопровождающегося неустанной работой над моей самооценкой, сочный розовый диск солнца успел подобраться к кромке леса на горизонте. Направляясь в свою комнату, я с трудом ноги волокла.

По случаю нашего приезда у меня сегодня пока ещё выходной, который я так бездарно потратила.

Ну ничего, сейчас прилягу, вытяну ноги... и через час буду как новенькая!

Мои, должно быть, заждались...

Хорошо, кстати, что настоящая Марыська не объявилась с грибочками, за которыми была послана... Впрочем, ретировалась я с замковой кухни очень вовремя.

Навстречу вповалочку и прикрывая зевающий рот ладонью, шкандыбала племяшка главной стряпухи. Вид у Марыськи был до того свежий и даже цветущий, что я с трудом подавила порыв треснуть её по шее.

Но до комнаты, которую делила ещё с пятью девушками-горничными, дойти так и не довелось.

– Эй, новенькая, как тебя, Йенни! – окликнула старшая горничная – женщина с цепким взглядом по имени Ани. Низенькая, сухенькая, с приплюснутым носом, что делало её похожей на деловитую уточку.

Не успела я опомниться, как в руки мне плюхнули стопку выглаженного и тяжелого, зараза, как жирная нерпа, постельного.

– Ну-ка, перестели в хозяйских спальнях! Лорду – чёрное, миледи – розовое! А потом бегом к прачкам, они не справляются, скатерти ещё отгладить нужно! Да хорошенько гладь, поняла? Сама проверю! Знаю, знаю, у миледи всем вам как у Заступницы за пазухой живётся! Не хозяйка, ангел небесный. А только у нас в Драконьем Гнезде бездельников не терпят. Ты ещё здесь? А ну, брысь! Одна нога здесь, другая там!

Ничего не поделаешь, пришлось разворачиваться в десяти шагах от заветной трёхъярусной кровати, где мне милостиво выделили верхнее ложе и тащить своё словно через мясорубку пропущенное тельце в хозяйские спальни.

Одно радовало: как представлю выражение лица Дианы, когда та увидит, что её почтили колером взбесившегося поросёнка, даже несмотря на усталость смех разбирал. Не завидую я этой Ани. А нечего распорядиться слугами леди Ди, как собственными, вот!

Меня леди совсем не для того нанимала...

Впрочем, нанимала-то как раз для того, чтобы обследовать все уголки Замка-на-Горе. Там, где пребывание самой леди натолкнёт на ненужные нам подозрения, никто не удивится девчонке-служанке, – так что на Ани я рассердилась больше из вредности. Ну и от усталости ещё. «Тётка-то» племяшку-сиротинушку отлюбила со всей простонародной беспристрастностью – и в хвост и в гриву!

Кто-то спросит, как я дошла до жизни такой, чтоб по чужим замкам в амплуа прекрасной леди, горничной и стряпухи шариться...

О, это долгая история!..

Глава 3

За одиннадцать лет до основных событий

Я сидела в дорожной пыли и растерянно тёрла кулачками глаза. Затем принялась вертеть головой. Прямо за мной высились скалы, в просвет между ними виднелась водная гладь. Графитного цвета воды сливались с небом. Небо тоже было серым, в низких волглых облаках. Неприятное, неправильное небо. Если бы меня спросили в тот момент, а какое небо правильное – я бы не ответила. Но то, что видела, точно знала – было неправильным.

Впереди простиралась низина. Там ютились домики с остроконечными крышами. За поселением, и, пожалуй, даже, за небольшим городком, тянулась изумрудная кромка леса.

Откуда-то я знала, что мне туда, вниз... к людям.

...Как ни пыталась вспомнить после, кто я, как оказалась на обочине извилистой горной дороги, – тщетно. Ничего не выходило. Так уж вышло, что первые мои детские воспоминания – это дорожная пыль, рваный солёный ветер, непривычная твёрдость почвы...

И ощущение утраты чего-то важного, чего-то родного... понятного и очень, очень красивого...

– Па-а-аберегись!! – прогремело сверху и возница в несущейся что есть мочи двухколёсной колеснице, сердито щёлкнул кнутом у меня над головой.

Следом мчалось ещё несколько колесниц. Запряжённые белоснежными лошадьми, с возницами в красных мундирах, стоящими на ногах, они подымали столько пыли, что я закашлялась.

– А ну, брысь с дороги, побирушка! – прогудел усатый возница и попытался огреть меня кнутом.

Чудом увернувшись от удара, я шарахнулась назад, и, не удержав равновесия, кувыркнулась через голову. На этом падение не закончилось: кувыркаясь и отбивая бока о кочки, я скатилась в глубокий овраг с едкой зелёной грязью на дне. Бегло осмотрела своё розовое платье и тонкий платок на плечах, недоумевая, почему меня обозвали побирушкой. Хотя там было столько пыли, что вряд ли возница разглядел мой наряд... Впрочем, когда я выбралась из оврага, платье было уже так измято и измазано, а в рукаве и подоле появились прорехи, что теперь меня можно было звать побирушкой, имея на то все основания.

Но уже было некому. Пока я карабкалась вверх, солнце успело скрыться за горизонтом, а пыль улечься. Колесниц больше не было. С моря тянуло солью и свежестью. Я устремилась вниз, к огням селения. Но усталость взяла своё. К тому же, хоть я и понимала, что мне нужно в низину, идти туда совершенно не хотелось. Прямо протестовало что-то внутри! А после встречи с недружелюбными возницами и подавно...

Сойдя с дороги в другую сторону, я сжалась в комочек у корней большого дерева, закуталась в невесомый платок и уснула.

Проснулась в предрассветном сумраке от холода и голода. И сразу сообразила, почему мне надо было в селение: в людских домах тепло, это я откуда-то знала точно, и там была еда. Позже, размышляя на тему, что предшествовало потере памяти, я отметила, что удивления место, с которого начинались мои воспоминания, не вызвало – я знала названия предметов, имена животных и птиц, знала о людях и других расах и вообще прекрасно ориентировалась. Потому сделала вывод, что я из тех мест.

Но кто оставил семилетнюю девочку на обочине, так и осталось загадкой.

Зябко кутаясь в платок, я продолжила спуск по горной дороге.

До чего же она оказалась длинной! Уж не знаю, как я передвигалась до этого, может, тоже ездила на колесницах, кто знает, но солнце уже стояло в зените, когда к голоду присоединилась жажда, к усталости – измождённость, а я проделала лишь половину пути!

Мимо череды домов с покосившимися крышами я прошла, не задумываясь. Несмотря на голод и жажду, заходить туда не захотелось. И дело не в кособоких домишках, не в скудости какой-то даже... Просто у подножия домиков стелилась тёмная нехорошая позёмка, от которой так и веяло тревогой.

Навстречу мне шёл краснощёкий мальчик и ел булку.

Большую, румяную, ароматную!

Мальчик держал её толстыми пальцами и лениво откусывал, шевелил малиновыми щеками.

Рот мгновенно наполнился слюной.

Улыбнувшись мальчику, я протянула руку попросила:

– Дай.

Мальчик моргнул и посмотрел на меня с недоумённой настороженностью.

- Пш-шла... - сказал он, но не очень уверенно.

- Пойду, - согласилась я. - Дай кусочек. Маленький. Я очень голодная.

- Ага, щас, - мальчик яростно вгрызся в булку и неловко дёрнул ногой в мою сторону. Может, пнуть хотел, но для этого он был слишком толстый.

Сглотнув, я приготовилась было двигаться дальше, но собственная неудача разозлила мальчика. Перехватив сдобу в одну руку, кулаком второй он ударил меня в ухо. То есть не совсем ударил, мазнул слегка, потому что тело отреагировало быстрее меня: я поднырнула под рукой своего обидчика, вывернула её же, и, неожиданно для себя самой пнула толстяка под зад. Совсем несильно, но мальчик неловко взмахнул руками и упал, взрыхлив носом колею. Надкусанная сдоба покатила по пыли.

- А-а-а-а!! - неожиданно тонким голосом заверещал мальчик. - Не бейте, пожалуйста, тётенька! Всё забирайте, только не бейте! А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Сказать, что я была обескуражена - это не сказать ничего.

- Так ты же первый начал.

- Я больше не буду-у-у, - прохныкал он.

Неизвестно откуда взявшаяся собака с торчащими из-под шкуры рёбрами схватила причину нашей стычки и с утробным урчанием унеслась куда-то.

Я шагнула к мальчику, протянула руку, чтобы помочь ему встать, но он вдруг отгородился ладонями и запричитал.

- Хочешь, ещё принесу булку? И сала могу, и варенья даже!

- Хочу, - сказала я, подумав. - Но не надо сала. Только хлеба и воды.

- Ага, щас, - со странной для его комплекции резвостью мальчик вскочил на ноги и унёсся в сторону покосившихся домишек.

А вернулся уже не один.

С несколькими взрослыми мужчинами. В руках у одного были вилы, у другого – топор.

– Вон она! – тут же завизжал мальчик. – Она, она меня избила и хлеб отобрала!!
Ловите её!

Чего меня ловить, если я и так стояла на месте? К тому же хлеб его собака унесла... Это я и собиралась сказать, но не успела. Люди набросились, разом. Сильно не били, но за уши трепали больно, приговаривая:

– Будешь ещё кидаться на приличных людей, будешь? Наглая побирушка!

– Не кидалась я ни на кого! Не кидалась! – со слезами на глазах повторяла я, но меня не слушали.

– Воровка она! – не унимался мальчик. – Хлеб украла! Пальцы!.. Пальцы ей отрубить!

– Ну ты скажешь, – покачал головой один из мужиков и поскрёб макушку. – А и правда, куда её?

– Так это... приставам. Ишь, со вчерась лютуют!

– Ну... приставам, – усомнился другой мужик. – Они ж разбираться не станут, и что малая совсем не посмотрят. А то и правда ж палец отхватят!

– И правильно! А ты что предлагаешь, отпустить её?

– Нельзя отпускать. Эпарха сынок пострадал.

«Пострадавший» тут же принялся подвывать, размазывая по малиновым щекам несуществующие слёзы.

– Да выдрать и пушай идёт себе, куда шла.

- Неможно. Непорядок потому как. Эпарх решать должен.

- Так ведь не будет эпарха-то до завтрава.

- Неча, погодит. В яму её.

- Пошли, малая, - меня потянули за пострадавшее ухо, а когда попыталась вывернуться, просто подхватили поперёк талии и понесли. - Ишь, зверёныш! Трепыхается...

- Эпарх у нас строгий, но справедливый, девка. Ну, постоишь у столба денёк, ну, можа высечь ещё прикажет, ничо. Вам, побродяжкам, не привыкать.

Не слушая моих объяснений, что никакая я не побродяжка, и не обращая внимания на мои отчаянные попытки вырваться, меня бросили в узкую глубокую яму.

Больно ударившись при падении, я тёрла коленку, смотрела на клочок неба над головой и, чувствуя себя жуком, угодившим в банку, думала, что не зря мне всё же так отчаянно не хотелось спускаться к людям...

Глава 4

Замок-на-Горе, наши дни

С первой спальней я справилась быстро, во второй же застряла: постельное цвета взбесившегося поросёнка оказалось ещё и крайне неприятным на ощупь: скользкое, чересчур гладкое - так и норовило соскользнуть с кровати на пол... брр... как люди спят на таком издевательстве!

- Мм... неожиданный выбор, - раздался за спиной знакомый голос.

Я вздрогнула.

И с трудом подавила порыв хлопнуть себя по лбу!

Вот что мне не давало покоя всё это время! До того я была в спальне леди и чисто механически застелила то бельё, которое лежало в стопке верхним! Чёрное!

А сейчас заканчивала застилать розовое!

В спальне лорда!

Распрямившись, поспешила присесть в книксене с заученной улыбкой:

- Приятно слышать, что вам нравится подарок леди Ди.

- Это от Дианы? - оторопел лорд и на лице его появилось такое страдальческое выражение, что я прикусила губу, чтобы не прыснуть в голос.

Метнула взгляд в зеркало и недовольно поморщилась, когда увидела, что покраснела. Вот не зря я как чувствую, что с лордом надо ухо держать востро! Личина, под которой я сопровождаю леди Ди, румянца не предполагает в принципе. Потому как с румянцем бледная моль перестаёт таковой быть. Черты лица в зеркале напоминали мои, просто были более размытые, что ли. Губы - тоньше, глаза - уже. Ресницы белёсые, жидкие патлочки - невзрачные, серые. Пройдёте мимо - и взгляд не задержится, в памяти такое лицо не отложится. Встретив в замковом коридоре, разве что передник белый и наколку на волосах кружевную запомните. А горничных в замке целый десяток... Ещё проще было бы стряпуху изображать, у них и одежда непримечательная, но стряпухам входа в хозяйские покои нет, так что горничная - всё же лучший выбор для нашего с леди Ди дела...

- Совершенно верно, - ответила лорду, не оборачиваясь. - От вашей невесты.

- Передайте леди мою благодарность, - сказал лорд таким тоном, за которым я уловила, что стоит мне покинуть комнату, как вслед за мной её покинет и «подарок леди».

- Непременно передам. - и с замиранием сердца уточнила: - Я могу идти?

Вот шерп меня дёрнул спросить!

В третий раз за день лорд оказался так близко от меня! Это ему хорошо: он-то каждый раз видит перед собой разных женщин! А мне его общества, прямо скажем, много на сегодня. Слишком свеж в памяти и на губах тот волшебный поцелуй... И сам лорд, безнадёжно влюблённый в мою хозяйку, слишком, слишком уж хорош собой!

– Тебя зовут Йенни, кажется? – некстати блеснул памятью зеленоглазый.

– Совершенно верно, милорд. Меня зовут Йеннифер.

И снова этот взгляд в самую душу. Настойчивый. Властный. Пристальный. Будто способен разглядеть под личиной мою истинную суть, мою душу.

И дыхание тяжелеет под этим взглядом, и в жар бросает от близости сильного мужского тела... И внутри словно рвутся нити, одна за другой... кажется, ещё немного и я не удержу оборота!

Я сжала зубы, титаническим усилием воли беря себя в руки.

– У вас ко мне поручение, мой лорд?

– Нет... – зеленоглазый нахмурился, дёрнул уголком рта, и взгляд, хвала Вещунье, перестал быть таким осязаемым. – Нет, Йенни. Йеннифер. Благодарю. Ты свободна.

Я не стала больше испытывать судьбу. Даже не присев в книксене напоследок, выскочила из хозяйской спальни, как ошпаренная.

Лишь когда дверь за моей спиной захлопнулась и взгляд, сверлящий лопатки, оборвался, выдохнула.

Поправив кружевную наколку на волосах, поспешила к своей непосредственной нанимательнице.

* * *

Леди Ди обнаружилась в своих покоях, в просторной, богато убранной, гостиной. Леди Ди готовилась к ужину в обществе своего красавца-жениха. Над последними аккордами причёски леди Ди колдовали сразу две камеристки. Ещё две девушки занимались платьем: из кремовой, щедро расшитой золотом парчи и струящимися каскадом нижних юбками, что проглядывали в разрезы спереди и по бокам. Сама же леди следила за работой девушек в отражении зеркала в тяжёлой кованной раме и время от времени морщила свой хорошенький носик, тем самым давая понять прислуге, что стараться надо лучше.

Хотя куда уж лучше.

Девчонки буквально дышать забывали, обихаживая хозяйку и расправляя несуществующие складки на великолепном кремовом наряде!

И, говоря начистоту, усилия девушек были лишними. Совершенно. Потому что леди Ди являла собой совершенство. Во всех отношениях! Как сказал один почтенный аббат, настоятель монастыря (мужского):

– Удивительно наблюдать подобную красоту на нашей грешной земле, среди обычных смертных! Не иначе, боги, таким образом, напоминают нам, недостойным, о своём величии! Небожительница! Как есть, небожительница!

И не солгал тот аббат ни единым словом!

Диана была ослепительно хороша.

Безупречная фарфоровая кожа, копна белокурых локонов, блестящих и сверкающих, словно солнечные лучи. Кроме того, леди была счастливой обладательницей больших голубых глаз, маленького аккуратного носа и алых губ бантиком. Несмотря даже на то, что я-то прекрасно знаю обо всех магических притираниях, эликсирах и снадобьях, на которые Диана никогда не скупилась, и то невольно залюбовалась хозяйкой! Не видела её с утра, а такое ощущение, что леди Ди за это время ещё больше похорошела! Впрочем, так было всегда, с того самого раза, как мы встретились впервые, три года назад, как раз недалеко отсюда...

Леди обожали все. Просто не обожать её было невозможно.

Раз взглянешь, залюбуешься и... вмиг забудешь и о склочном характере, и стервозности, и о вспыльчивости.

И не просто забудешь. Простишь. Самым искренним образом причём.

– Йенни? – Диана увидела меня в зеркале и обернулась. Девушка, завивающая золотистый локон длинными щипцами, поспешно отпустила его и обожгла палец. Но даже не подумала как-то показать это, или, не дай Вещунья, поднести пострадавший палец к мочке уха.

В небесно-голубых глазах леди Ди читалось удивление. Хозяйка явно не ожидала увидеть меня в замке сегодня. Это потому что домой я ещё до прибытия в Драконье Гнездо отпросилась, на прошлой седмице: леди как раз пребывала в благодушном настроении, принимала ванну с лепестками зимней розы, собственноручно собранной для неё лордом и, покривлявшись исключительно для приличия, дала на то своё светлое дозволение.

Правда, когда вчера вечером мы после двухседмичного путешествия, в течение которого нас сопровождал встретивший на границе лорд Эйнар Сварт, хозяин Замка-на-Горе, или Драконьего Гнезда, потомок Чёрных Королей, прибыли, наконец, в этот самый замок, Диана, конечно, благополучно запомнила о данном обещании, уведолив меня, что о том, чтобы покинуть замок с самого утра, не может идти и речи. Правда, милостиво разрешила отбыть днём. После того, как отвлекла лорда Сварта «ну совсем ненадолго»...

Я, собственно, и отвлекла. Ненадолго...

И после весь день костерила про себя леди, потому что после долгого расставания так хотелось провести с детьми и дядей весь день!

– Ты уже вернулась? – ангельским голоском пропела Диана, гневно зыркнув на камеристку, которая закрепляла изысканную причёску шпильками с жемчужными головками, и, должно быть, задела кожу. – Криворукая!

– Простите, миледи, – бледнея на глазах, присела в поклоне девушка.

Диана только плечиком передёрнула и губки поджала.

– Я ещё не уходила, – призналась я и пояснила в ответ на вопросительный взгляд: – Возникла небольшая заминка в связи с вашим... утренним поручением.

Диана нервно взмахнула изящными пальчиками.

– То есть ты весь день неизвестно где прохлаждаешься, но тебе и этого мало? Ещё и на ночь глядя собралась куда-то? Учти, Йен, я плачу тебе не за это! И вообще, как ты возвращаться собираешься? Ворота на ночь закроются!

С этими словами Диана отвернулась к зеркалу, давая понять, что разговор закончен.

Глава 5

Я скрипнула зубами от злости.

Волнуется она, видите ли, как я обратно попаду, как же!

Кошка тоже волнуется, когда мышиная норка пуста...

Тут не нужно быть Видящей, чтобы узреть: Диане банально скучно. И яд она давно не сцеживала. Пару часов где-то. Как ещё не разорвало её!

Потому что уж кто-кто, а моя хозяйка в курсе, что я-то беспрепятственно проникну в любой закрытый замок!

Но когда это Диана отпускала слуг без того, чтобы сперва хорошенько поточить о нас когти?

– Так я могу уйти? – времени на реверансы с хозяйкой не было, совершенно.

Это здесь ещё в широко распахнутые окна розовый свет льётся. В лесу, в низине уж давно стемнело. А пока добегу до дома, малые спать будут, а я так невозможно соскучилась...

Леди скривила хорошенький носик и не подумала оборачиваться.

– Я тебе плачу не за походы домой.

– Я выполнила все ваши распоряжения на сегодня, – напомнила я, сакцентрировав на слове «все».

Диана фыркнула и медленно обернулась.

– Вот как? Все?! Ну так, может, хочешь получить расчёт, Йенни? В таком случае иди, конечно! И можешь вовсе не возвращаться!

Я сжала кулаки и губы.

На стервозность леди Ди никаких зубов не хватит, в пыль сотрёшь!

И так захотелось вдруг согласиться!

Получить расчёт и бежать, бежать из Замка-на-Горе со всех ног!

И не столько даже от этого униженного положения прислуги, сколько от кое-кого зеленоглазого с пронзительным взглядом и такими обжигающе-горячими, такими настойчивыми губами...

Это по дороге сюда я их прогулки наедине и милования ещё более-менее сносно выносила. Вот ведь диво... Ведь привыкла давно, что ни один мужчина перед красотой Дианы не устоит. И стар, и млад, а всё туда же. Стоит ей только взглядом ожечь, одному улыбнуться сдержанно, перед другим же недовольно губки поджать, как мужчины на глазах меняются, головы теряют... Я привыкла, да. Но вот когда впервые того самого, избранного увидела, на чьё предложение Диана неожиданно согласиём ответила, так обидно почему-то стало. И ведь это я ещё не знала, какие сильные и нежные у Эйнара Сварта руки... не тонула ни разу в зелёной пучине его бездонных глаз. А теперь же, стоит лишь мысль

допустить, что сегодня за ужином лорд глаз с неё не спустит, до опочивальни проводит, и, конечно, сорвёт с алых губ поцелуй, как из груди дыхание выбивает, в глазах темнеет, сердце так и заходится!

Ше-е-ерпы драные!..

Неужели я влюбилась – истово и безнадежно?

В зеленоглазого лорда, который женится на другой?!

Так не лучше ли сразу концы оборвать, скрыться под покровом леса, спрятаться... и не рвать себе сердце, не травить душу, глядя, с каким обожанием он на Диану смотрит?!

С глаз долой – из сердца вон, не зря ведь люди говорят...

...Вот только у нас с Дианой уговор: только после обнаружения третьих, последних врат я получаю сумму, озвученную мне два года назад, на лесной опушке. Если уйду раньше – довольствуюсь обычной платой за услуги горничной. Что, в принципе, тоже неплохо, потому что деньги нам с дядюшкой и мелкими очень, очень нужны! Так что как вспомню светлый, лучистый взгляд Ивасика да доверчивую улыбку Сольвейг, её щёчки, перемазанные вареньем из одуванчиков... сгорбленные плечи дядюшки... Его дрожащие руки, что после лечения Ивасика такими стали. Никогда не дрожали, а тут...

– Нет, миледи, – тихо сказала я. – Мне не нужен расчёт... сейчас. Позвольте служить вам и дальше. Я... я была права. Конечно, я останусь в замке.

Голубые глаза Дианы так и вспыхнули торжеством! На губах заиграла победная улыбка.

– Ладно уж, иди, – тут же передумала хозяйка и махнула ухоженными пальчиками. – Только недолго. И впредь не советую меня злить, Йенни!

...Как я улепётывала по замковым коридорам от пронырливой Ани, у которой все горничные с утра и, видимо, до утра обязаны быть «при деле» – отдельная история. Но ничего, завтра отбрешусь, что леди работой завалила.

Быстро собравшись, то есть сменив наряд горничной на коричневое холщовое платье с разрезами по бокам поверх нижней камизы, я подхватила собранный со вчерашнего дня ещё заплечный мешок с гостинцами и накинула сверху плащ. Сбежав по ступеням, устремилась к воротам. Пока ещё, хвала Вещунье, открытым.

Как вдруг услышала плач.

Натолкнувшись будто на невидимую преграду, я даже зубами скрипнула с досады.

Ну вот как при таких обстоятельствах пройти мимо?

Правда, когда увидела таинственную рёву, и вовсе чуть зубы в пыль не искрошила.

Ну вот за что мне это, а?

Шутит надо мной Вещунья зло.

Только сколько можно?!

У нагретой за день стены, обхватив колени руками, сидела Марыська и горько, навзрыд рыдала. Шумно шморгая носом и размазывая слёзы по щекам.

Причина слёз этих оказалась весьма прозаичной.

– Все надо мной смеются, ик! – доверительно провыла Марыська, поднимая на меня зарёванную мордашку и оттопыривая нижнюю слюнявую губу. – Вообще все. Ик! А ну, как тётка Заряна опять в Погребцы прогонит? А я не хочу-у-у-у...

И тут Марыська взвыла в голос, а я досадливо поморщилась.

В том, что над девушкой смеются, есть, конечно, и моя вина. Переборщила маленько с конспирацией.

Ну вот и что делать? Меня дома ждут! Они, конечно, в курсе, что мы уже в Драконье Гнездо прибыли! Да и не знали бы даже, всё равно почувствовали уже...

Два года, как своих не видела...

– Да не выгонят тебя, – сказала я, со вздохом усаживаясь рядом. – Тебе сам милорд работу предложил. Думаешь, с каждым здесь так?

Марыська шмыгнула носом и снова икнула. Но уже не так печально.

– И потом, неужели тут лучше, чем в твоих Погребцах? Знаю я ту вёску, хорошо там. Я сама местная, из дальних Горшков.

Марыська посмотрела на меня недоверчиво. Да уж. Можно во многом обвинить Диану, но всего лишь пара кругов, проведённых бок о бок с истинной леди если не выбила из меня деревню, то, хотя бы преобразовала её в небольшой уездный городок!

Плакать девушка перестала, и, поскольку я оказалась «своей», сообщила шёпотом:

– Так того... здесь безопасней. В вёске в лес боюсь... сманит.

– Кто? – не поняла я.

– Так Русальник, – даже удивилась моей непонятливости Марыська.

– Русальник? Да он ещё две седмицы цвести не должен.

– А вот и зацвёл! Раньше срока! – горячо зашептала Марыська, делая страшные глаза. – А это, сама знаешь, к бедам большим! Огромным! Насья, вон, Зеленкина дочка и Иваш, кузнеца подмастерье в лес ушли и не вернулись. Говорили до этого, Русальник видели!..

Я нахмурилась. Не понравились мне новости из Погребцов, ой как не понравились. Потому ответила Марыське немного грубовато:

- Так тебе чего бояться-то? Ты ж не ребенок.

- Не ребёнок, а всё ж девица ишо, невинная! К тому же ума недалёкого! - запальчиво возразила Марыська.

Я поморщилась. Ух, толстуха Заряна, вот не злая ж баба, почто ж так племяшку-то зашугала...

- Ты это брось, за тёткой повторять чушь всякую, - строго сказала я. - Нормально с тобой всё, поняла? Смышлёная молодая девушка. Померещилось детям, ясно же, как Солнцев день.

Марыська торопливо озарила сложенные буквой «о» губы знаком солнца.

- Неужто настоящий Русальник от фантазий не отличишь?

- Отличу... наверное... ага.

- Вот тебе и ага. Сомлела в коридоре отчего? Что случилось?

- Откуда ты знаешь? - Марыська испуганно заморгала.

- Не бойся, я просто видела, как ты в нише дрыхла. Не выдам. Так что стряслось-то?

- А ничего не стряслось, - пожала плечами Марыська и взгляд её стал нехорошим, пустым. - Просто сильно-сильно голова закружилась, страх грудь сковал, руки-ноги ослабли... а проснулась я уже за занавеской. Ну, думаю, будет мне от тётки Заряны, а она не ругалась даже... Наоборот, хвалила, всегда так работать наказала. А остальные смеялись, мол, перед лордом душой круглой себя выставила ...

- Ну вот видишь, - перебила я девушку. - Даже тётка не ругалась. Всё хорошо будет. А те, кто сегодня смеются, завтра завидовать начнут, вот увидишь. Все бы хотели, чтобы им сам лорд место предложил! Так что это они от зависти.

- Думаешь?

- А что тут думать?

Оставив Марыську с задумчиво-глуповатой улыбкой на заплаканном лице, я, хвала Вещунье, наконец, направилась в лес.

Глава 6

За одиннадцать лет до основных событий

Даже самая долгая ночь когда-нибудь заканчивается.

Даже ночь, проведённая в сырой холодной тюрьме с затхлым стоячим воздухом, перемешанным с вонью и миазмами немытых тел и человеческих испражнений.

Но мне та ночь, проведённая в узкой длинной яме, показалась и вовсе бесконечной...

И всё же вот клочок чёрного звёздного неба над головой сменила потянутая предрассветной дымкой серость.

Сжав зубы, я принялась тереть задеревеневшие руки и ноги. Так продрогла в сырой яме, что зубы уже не стучали даже, а клацали, не переставая.

Издали доносились голоса, разговоры, перекрикивания...

К яме, в которой я сидела, подходить не спешили. Правда вечером сердобольный мужик, что ратовал за то, чтобы выдрать меня, как сидорову козу, да отпустить на все четыре стороны, спустил мне на верёвке сухую краюху в тряпице и бутылёк с пахнущей чем-то кислым водой. Несчастной козе изверга Сидора я от души посочувствовала, чем рассмешила селянина. Но вынуждена была признать, что в жизни не ела ничего вкуснее. Правда, для молодого растущего организма жалкой краюхи оказалось чудовищно мало и потому к утру

живот буквально прилип к спине от голода...

Услышав знакомое «побирушка», поняла, что вскоре меня будут судить за то, что напала на сына местного старосты.

Серый круглый клочок над головой посветлел окончательно, окрасился в небесно-голубой, и я увидела, как высоко-высоко в небесной вышине чертит круги птица. Несмотря на собственное довольно плачевное положение, невольно залюбовалась этим радостным полётом навстречу новому дню!.. В каждом взмахе её крыльев было дикое, давно утраченное людьми первобытное ликование, была свобода, которую на земле оказалось так легко утратить...

Вот бы и мне так!

Расправить крылья и взлететь, оставив на земле обидчиков с их несправедливыми обвинениями и жестоким смехотворным судом! Ввинчиваться в небесный простор всем своим лёгким телом! Скользить по воздушным горкам, купать себя в упругих потоках сонного ветра, ощущать его дивное дыхание каждым пёрышком...

Я не поняла, почему голубой квадрат неба вдруг взмыл над головой ещё выше. Лишь вскрикнула, когда вместо стоп обнаружила трехпалые перепончатые лапки. Но вместо звуков человеческого голоса из горла вырвался испуганный клёкот!

Неловко взмахнув руками, я, к своему ужасу, зависла в воздухе!

...Спустя бесконечную череду взлётов, падений, неловких попыток зацепиться неуклюжими треугольными лапками за выщерблины в краях ямы, над моей бывшей тюрьмой взмыла птица в тёмных пестринках, с пятнами по бокам и полосками на крыльях.

Сперва полёт был рваный, неровный, но вскоре выровнялся. Сделав круг над негостеприимной вёской, я увидела, как из дома эпарха вышли мужики с верёвкой, и, закричав во всё горло, понеслась прочь.

Идти к людям оказалось очень плохой идеей, кто бы мне её ни внушил. Потому возвращаться я не собиралась.

Вокруг было небо – огромное и бездонное, была свобода, был полёт, был попутный ветер, начисто выдувающий из головы ненужные мысли!

Свою первую рыбу я поймала, стоило лишь долететь до вод цвета мокрого камня. Надо сказать, я сама не поняла, что за сила бросила вниз, прямоком на мелькнувшую внизу серебристую молнию и... взмыла я уже с добычей в загнутом клюве!

И тут же была атакована взрослыми чайками, которые тоже охотились и которых я не заметила на подлёте!

Спасаться пришлось быстро, так быстро, что я даже рыбу из клюва выпустила. Правда, голод пересилил здравый смысл, и, сложив крылья, я камнем обрушилась вслед за ней, уходя от атаки. Подхватила рыбку у самой воды, под негодующие птичьи вопли, и, уйдя от погони с наслаждением съела свою первую добычу на залитом первыми лучами солнца скалистом выступе. И тут же полетела за новой рыбиной! После третьей, задремав на волнах под ласковыми солнечными лучами, решила окончательно: не вернусь к людям. Нипочём не вернусь. Птицей быть гораздо лучше.

Не могу сказать – вот это жизнь началась, но... как-то жила.

Я ютилась на скалах, ловила рыбу, рачков и стрекоз, разоряла гнёзда мелких птиц, с наслаждением выклёвывала их яйца. С каждым днём я всё реже вспоминала, что была человеком. Слишком много хлопот оказалось в беззаботной с виду птичьей жизни... Приходилось драться с другими чайками, отстаивая своё право на охоту. Приходилось спасаться от коршунов, соколов, горных котов и лисиц. Вскоре те пару дней в роли семилетней девочки и вскоре стали казаться сном. Я верила, что всегда была чайкой, всегда жила на берегу Серого моря, всегда охотилась в его водах...

Стая, подле которой я ютилась, каждую ночь подходя чуть ближе, – так проще было спасаться от ночных хищников, – понемногу ко мне привыкла. Своей я для птиц не стала, но по крайней мере одна самка была настроена вполне дружелюбно к прибившемуся птенцу. Даже порой делилась добычей.

Была ли я счастлива? Сложно сказать. Птицы редко задумываются о счастье.

И всё же однажды мой с таким трудом освоенный птичий мир разбился вдребезги.

Та самая чайка, что прежде была добра ко мне, однажды взбесилась. Она напала на меня без всякого повода и погнала прочь от стоянки! Я даже не пыталась защититься, лишь жалобно кричала, прикрываясь крыльями, показывая, что я не опасна. Тщетно. Меня гнали прочь так злобно и целенаправленно, что оставаться на одном месте не было никакой возможности.

Я неслась во всю мощь своих крыльев до самого берега!

Взять выше птица не давала, неумолимо клонила к воде. И даже когда я с размаху обрушилась в воду, птица не остановилась. Продолжала кружить надо мной, клевать, бить лапами и крыльями!

Я задыхалась под водой, ведь всплывать мне не давали.

Вот если бы я была человеком, вмиг бы скрутила взбесившейся птице шею!

Стоило так подумать, как в тот же миг забарахтала руками и ногами вместо лап и крыльев. Воздух цепочками пузырей устремлялся вверх, покидая лёгкие. Талию вдруг обхватили чьи-то прохладные пальцы, вздёргивая меня на поверхность. Глотнув воздуха, я закашлялась и ушла под воду снова.

И тут же заорала, беззвучно: на меня смотрели чёрные выпученные глаза-блюдца на узком голубоватом лице. Я сразу поняла, что вижу перед собой сирену, – шея ихтионки была изрезана подвижными щелями жабр.

Я даже не успела захотеть похотее: ихтионка раззявила чёрный рот с зубами-иглами и закричала над меня под водой так страшно, что я невольно отпрянула, неловко закрываясь руками. Вздёгнув меня ещё раз на поверхность, ихтионка развернула за плечи к берегу и придала ускорения трезубцем, ткнув им в мягкое место, которое тут же прошибло магическим разрядом.

Вскоре ладони и колени упёрлись в песок, глубина сменилась отмелью у самого берега.

Шлёпнув по воде плоским хвостом, ихтионка скрылась в серых водах.

- Девочка... - задумчиво протянул мальчик в серой рубаше, подпоясанной обычной верёвкой. - Смотри, деда, девочка!

- И правда, девочка, - откликнулся старый рыбак, прекращая смолить лодку и подслеповато вглядываясь мне в лицо из-под приставленной ко лбу ладони. - Откуда взялась только?

- Деда, она тебя не понимает.

- Думаешь, не понимает? Эй, ты чья, девочка?

- На меня чайка напала, - ответила я невпопад. - Я очень испугалась.

- Ах, чайка... Эти могут, житья от них нет. Жирные, здоровые, что твои орлы. Скоро с рыбой покончат и за нас примутся...

Морщинистое лицо старика прорезала щербатая усмешка и я поняла, что рыбак шутит.

Так, не сразу, а спустя месяц, я всё-таки добралась до людей...

Не до заветного городка в низине, а всего лишь до бедной рыбацкой деревушки на пару десятков глиняных домиков. И на этот раз я осталась: у Аньшаны, невестки «деды», который меня нашёл, недавно родилась двойня и ей требовалась помощь по хозяйству. Училась я быстро, несмотря на внешнюю хрупкость была выносливой, жилистой. Наградой за помощь по хозяйству был кров и наваристая рыбья похлёбка, люди звали её ухой и ароматный, из глиняной печи, хлеб...

Возвращаться к чайкам даже из чистого любопытства, ровно, как и пытаться обернуться хоть бы даже в дворовую курицу было боязно - ну, как на этот раз навсегда забуду, что человек и закончу свою недолгую жизнь в жирном

наваристом бульоне?

Чудно?, конечно, но та самая чайка, что прогнала меня из стаи, прилетала время от времени, будто её мучила совесть. Усаживаясь на плетень, птица наблюдала за мной: как я мету двор, ношу воду, чищу рыбу, перебираю грибы и коренья, стираю пелёнки, замешиваю тесто и пеку в тандыре хлеб...

И порой мне казалось, что взгляд у чайки не птичий вовсе, слишком уж умный, слишком... человеческий

Словно смотрел на меня из птичьих глаз кто-то другой.

Глава 7

Окрестности Замка-на-Горе, наши дни

– ...Оборот – даже после многолетней практики – дело тонкое, муторное да мудрёное. Сил и энергии, девочка, жрёт он немеряно. Но и это не главное. После оборота львиная часть твоих сил уходит на поддержание личины, что приняла. Если жалеть себя не будешь и тренироваться каждый день, придёт час, когда энергия потечёт в нужное русло сама собой, ты даже замечать той личины не будешь. Но если в своих силах не уверена, а обернуться надо – выбирай личину одного с тобой веса, и, желательно роста, – говорил когда-то дядюшка, а я, маленькая, решительно сжимала кулаки, слушая старого ведуна с открытым ртом и готовилась совсем-совсем-ни-капельки не жалеть себя.

– Сложнее всего оборачиваться зверем, который по массе тебя превосходит: тут оборот удержать трудно, ну да есть хитрости: например, перед оборотом взять недостающий вес в руки. Такой оборот производить сложнее, а поначалу и вовсе кататься по земле и выть от боли будешь, когда предметы сторонние под кожу, значит, врастать станут. Ну да ничего. Наживное это, девочка... Тут главное не отлынивать от тренировок и упорно шагать к поставленной цели. Мать-Вещунья, она, знаешь, настойчивых любит... На далёкой родине моей говорят, что судьба норовистой кобылице подобна: слабого, неуверенного всадника сбросит, не пожалеет, а вот сильному и упорному покорится. Ты уж сама решай, слабая ты

чи сильная...

– Самое же опасное для юного чародея – обернуться сразу во что-то мелкое. Как ты, дурёха... сразу в чайку. Сил на поддержание такой личины почти не требуется, возвращаться же в свою истинную суть как правило, и не хочется вовсе. Не встречал я прежде таких, как ты, девочка, но даже те, кто лишь сознанием сливаться с птицей ли, зверем, могут, знают: пьянит такое слияние почище гномьей браги. А потому легко можно забыть, что ты человек, а не птица вовсе. Я ведь когда тебя чайкой приметил, думал, как и я, ведьма какая птицу ведёт... А когда присмотрелся, что да как, волосья дыбом стали! Гляжу, не птенец это, а человек, как есть человек! Даром, что многоликий... Ну, думаю, не покажу девчонке дурной кузькину мать прямо сейчас, не вернуться ей из чайки в человека обратно...

...Стоило шагнуть под сень подпирающих небесный свод деревьев, жадно втянуть ноздрями родной запах хвои да прелой листвы, утонуть стопами в мягком ковре мха, как голос дядюшки, казалось, перестал быть воспоминанием, ожил... и слышался теперь, как в детстве, прямо со всех сторон, родной, как дыхание этого леса!

Губы сами собой растянулись в нежной улыбке.

Когда дядя взялся за моё обучение, не щадил совершенно, заставляя держать самые сложные личины часами. Поначалу тряслась и плакала от боли, а потом ничего, привыкла. Так же как раз в сутки неизменно давать себе отдых от оборота.

Вот и сейчас, прежде чем обернуться и припустить по знакомым с детства тропам, я с наслаждением избавилась от надоевшей личины горничной. Ботинки скинула, чулки стянула и затолкала в заплечный мешок. Пошла, с наслаждением ступая босыми ногами по мшистому ковру.

Заприметив ручей, опустилась на колени, стянула с плеч лямки. Зачерпнув в ладони студёную воду, принялась с наслаждением пить маленькими глотками. Водичка родной земли – живая. А мой дом – там, где обожаемый дядюшка с Ивасиком и Солью...

Напившись, умылась, пригладила волосы, выбившиеся из косы.

Зрение у меня острое, куда острее, чем у обычных людей, потому и в сумерках отчётливо различила в гладкой чёрной поверхности своё отражение.

Обыкновенное, к слову, отражение. До той же Дианы мне далеко...

Коса у меня каштановая, самая обычная для наших краёв. Разве что густая, пальцами одной руки не обхватишь. Когда оборачиваюсь в горничную леди Ди, намеренно её укорачиваю и делаю жиже. Глаза – зелёные, нос прямой, рот большеват, пожалуй, да губы чересчур яркие и пухлые...

– Эх, девка, – вздыхал дядюшка, когда я, по его словам, «заневестилась». – Ты когда к людям выходишь, всё ж таки напускай личину-то. Приглушай свои природные краски, больно уж щедро тебя Матушка-Природа одарила. Не ровен час заприметит, кто ненужно.

«Кто ненужно» – это дядюшка на заезжих дворянчиков намекал, что в наши места поохотиться заезжали, да на старостиных сыновей из ближайшей вёски. Как говорится, сызмальства не заладилось у меня со старостиными сыновьями... Тех, что из Горшков, даже учить приходилось уму-разуму, когда руки распускать пытались. Обернувшись ланкой или косулей, водила бугаев по лесу, тропы путала, водяниц да кикимор науськивала... Самые рьяные «ухажёры» после седмицы в лесу шёлковыми становились и вслед дочке старого ведуна смотреть боялись.

Но дядюшку я слушалась, «краски» приглушала, румянец со щёк изгоняла безжалостно, цвет глаз на болотный, лягушачий меняла, губы более тонкими делала. Как сказала бы леди Ди, «приличными».

Леди, кстати, в последствии, «краски» мои тоже жить мешали – в первый же день найма расшипелась кошкой, чтоб «больше глаза её эдакого непотребства не видели».

Я не спорила – куда мне до утончённой, воздушной и возвышенной во всех отношениях Дианы? Кто я рядом с ней? Лесная дикарка, варварка... Вот только щурилась на меня Диана так, словно завидовала или ревновала. А этого уж точно не могло быть. Потому как не может такая, как она, такой, как я завидовать.

Ну никак не может!

...Плеснув в лицо последний раз, я вновь надела заплечный рюкзак с гостинцами для детворы. Тяжёлый, увесистый. Специально набрала побольше для лёгкого оборота. Путь же от Драконьего Гнезда до родного дома решила проделать медведицей. Бегают они быстро, даром, что косолапые...

В тот момент, когда руки и ноги сменились когтистыми звериными лапами, а заплечный мешок с гостинцами скрылся под толстой шкурой, краски сумеречного леса сразу померкли, зрение у медведей не шибко острое, а вот запахи и звуки, наоборот, усилились.

Хорошо бежать зверем по лесу! Каждый шаг таким диким, таким первобытным восторгом во всём теле отдаётся, такой безбашенной радостью, что пьянит и правда шибче любого дурмана. След молодой косули чуть было голодную медведицу за собой не увёл: в последний миг спохватилась да удержала. Сама, дура, виновата: забыла днём поесть. А ведь зверю куда сложнее голод сдерживать. Зверь – он же инстинктами живёт и непонятно ему, что есть дела поважнее. В другой раз, оно, конечно, поохочусь. Сейчас же каждая минута на счету...

Бревенчатый домик выглянул из-за деревьев так неожиданно, что как бежала, так и села увесистым задом на землю. Сижу, глазами хлопаю, и сердце от нежности щемит. И слёзы в звериных глазах, потому как даже в сумерках видно, что ставни подслеповато просели, крыша покосилась и течёт, конечно, в дождь... Огородик мой бурьяном зарос, – трудно дядюшке полоть уже, хоть руками, хоть силой... Но хоть поленница под завязку дровами забита. Не иначе, благодарные за лечение селяне подсобили...

Вот только знаю я, чего стоит дядюшке врачевание чужих болячек... Ему самому лечение не повредило бы!

Когда я покидала родной дом два круга назад, с Дианой, оставила дядюшке мешочек с задатком, что от леди получила. Наказывала порошки непременно купить, компоненты для зелий... крышу, опять же, подлатать, защиту подновить... Да разве я дядюшку не знаю? Ведь всё на лекарства для Ивасика потратил, да на калачи для Соль. И кто бы спорил, только не я: в малых души не чаю! Но надо ведь и дяде о себе не забывать...

Ежели не дай Вещунья, с ним что случится, и меня рядом не окажется, ну что тогда с детьми будет?!

– Здорово, Гвэни, – поприветствовал меня дядя, приближаясь и я привычно-изумлённо захлопала глазами.

Вот как ему удаётся подходить так тихо и незаметно, что даже медвежьим слухом не услышать?!

Гвэни, или Гвэнифер, как меня звали бы, родись я на родине дядюшки, старый ведун зовёт меня лишь когда я в обороте. Так уговорено, с малолетства ещё: чтоб не забывала, что не я это настоящая, а личина.

Не спеша становиться Йеннифер, или «девочкой», сграбастала сухого, как жердь старика с косматыми чёрными бровями когтистыми лапами, прижала к мощной груди, заурчала утробно.

– Ну будет, дочка, будет, – растроганно прошептал дядюшка, зарываясь пальцами в косматую звериную шкуру.

Но я всё же не спешила с обратным оборотом: соскучилась так, что сердце вот-вот разорвётся, а такие нежности старый ведун допускал лишь когда я в личине. В человеческом обличье дочкой меня звал редко, больше пигалицей да егозой, девочкой ещё... Строгий у меня дядюшка, суровый даже... Но это для тех, кто в суть глядеть не умеет, сердца не видит. Оттого и строгость напускная: ведь такое сердце у старого ведуна мягкое, приходится обручами сковывать, чтоб не дай Вещунья не разорвалось от жалости ко всему живому...

В детстве я часто оборачивалась кошкой и слезала с печи к дядюшке на лавку: мурчала, лапами мяла, вдыхала самый лучший запах в мире – дядюшкин, трав да пряной прелой листвы, не могла надышаться...

– Ишь, бесстыдница, – говорил старый ведун, почёсывая мне за ушком. – Ну я тя отхожу хворостиной, седмицу сесть не сможешь...

И при этом гладил, гладил...

И ни разу не то, что пальцем не тронул, голоса на меня не повысил!

...Даже в зверином теле я ощущала, как дядя похудел за эти два круга, осунулся. Сгорбился. Чудом сдержала порыв поделиться силой – за такое ведун, пожалуй, и ухо надерёт. Гордый уж больно. Деньги ещё, шерпыхаясь, возьмёт, лекарства тоже, а вот такой откровенный намёк на утрату чарсилы ни в жизнь не простит. Говорю же, гордый!

– Йе-ення-я-я-я!!! – раздался тонкий, но всё же оглушительный писк.

На крыльце стояла рыженькая девчушка с босыми ногами.

Ахнув, я обернулась в тот же миг.

Лямки сползли с плеч, мешок грохнулся оземь.

– Со-о-оль!!! – похлеще девочки завопила я, подхватывая попискивающую от радости малышку на руки.

– Оголтелые, – проворчал дядюшка, глядя на нас с девочкой повлажневшими глазами.

Глава 8

Чудно?, обычно дети, особенно в таком нежном возрасте, быстро отвыкают от взрослых, забывают даже, дичатся после долгой разлуки... Соль же вцепилась в меня руками и ногами, будто маленькая рыжая обезьянка и хохотала от счастья, пока я целовала и щекотала её. Кудрявая, встрёпанная, так выросла за два круга! Из взъерошенного рыжего воробья превратилась в настоящую куклу с витрины, если б не одно «но»...

– Ты где зубы растеряла, мелкая? – нежно целуя Сольвейг в нос, поинтересовалась я.

Непонятно как ей это удалось, но Соль умудрилась лишиться сразу всех верхних зубов и оттого улыбка у девочки была озорная и щербатая.

– Фея унефла! – серьёзно пропищала в ответ девочка. – А мне взамен целый кулёк леденцов и пряников мятных под подушку полофила, представляефь?

Я представляла. Покосилась на дядюшку, глаза старого ведуна блестели при взгляде на мелкую. И вот знаю, как с малыми трудно, но сколько же счастья от них!

– Йенни! – наше тормошенье прорезал хриплый со сна голос Ивасика.

Мальчик, взлохмаченный, как и мелкая, выполз на крыльцо и широко мне улыбнулся. А затем подмигнул, и, ухватившись за перила, подтянулся на руках и... поднялся на ноги, улыбаясь ещё шире, довольный произведённым эффектом!

Несмело так... и ножки у Ивасика худенькие, дрожат, но... он стоял на них! Сам!! Держался при этом за перила, но стоял!!!

В мгновение ока оказалась у деревянного крыльца и замерла, как громом поражённая.

Потому что Ивасик на этом не остановился.

Он спускался!

Ко мне... навстречу!

Медленно!

Кривился от боли!

Но спускался!

Сам!

По лестнице...

– Стало быть, помогло снадобье? – обернувшись на дядюшку, глухим от волнения голосом пролепетала я.

– Ещё б не помогло, – проворчал ведун и нахмурился. – Эх, ты, Рёва-корёва. Ну кто ж от таких новостей слёзы-то льёт, а? Егоза?

– Йенни у нас чувствительная, – превозмогая собственную боль, улыбнулся мальчик и я вдруг поняла, как он повзрослел за эти два круга, что меня не было. Вытянулся сильно и всё такой же худющий, а вот взгляд повзрослел. И улыбка такая, больше созидательная какая-то стала...

Проведя рукой по своей мокрой щеке, виновато улыбнулась. С замиранием сердца обняла мальчика, который, оставаясь на нижней ступеньке, был со мной почти одного роста.

– Ты – борец, Ингвальд, – прошептала я. – Настоящий герой!

– Это ты – героиня, Йенни, – коротко засмеялся Ивасик. – На снадобья, что меня на ноги поставили, все деньги ушли, что ты оставила.

Ну точно говорю, повзрослел.

– Я ещё принесла, – прошептала растерянно.

– Подаркоф?! – завопила Соль, которой, конечно, было невдомёк, отчего свалившаяся как снег на голову старшая сестра льёт слёзы, видя, как брат встаёт на ноги. – А калафей? А конфет? А фоколадок???

– И калафей, и конфет, и фоколадок, – со смехом передразнила мелкую.

– Ну началось, – проворчал ведун. – Баловство вернулось. А ну, все в дом! Нечего медведе?й развлекать.

Соль тут же принялась подпрыгивать, вглядываясь с любопытством в лесную чащу, «ведмефе?й» высматривать.

Впрочем, сразу пойти в дом и не удалось.

Потому что надо было поздороваться ещё со старым псом Дуником, двухвостой и четырёхухой рысью Котей, от которой ещё слепым котёнком отказалась мамаша-рысь и потому Котя была вскормлена вашей покорной слугой собственноручно, почтовой совой Пыжем и Анелкой – маленькой, чуть выше колена, козочкой, злой и ну очень вредной, дающей фору по этой самой вредности всей остальной лесной живности. Впрочем, злая Анелка с чужими исключительно. С нами, с теми, кого козочка искренне считает своим стадом, она само терпение и очарование.

Ну семеро-по-лавам, иначе не скажешь!

Дядюшка ворчал, когда раздавала гостинцы «младшим детям», то бишь, зверятам. Кому по сахарной косточке, что прихватила с замковой кухни, кому спелую ароматную грушу, а кому копчёную колбаску.

Затем мы, наконец, прошли в дом, гостеприимно скрипнувший половицами и принялись потрошить заплечный мешок с мелкими. Калачи, пряники, леденцы и шоколадные конфеты тут же перекочевали в полное и безраздельное владение Соль, которая принялась «делить на всех» с самым серьёзным и ответственным видом. Делила девочка и правда честно, зная прекрасно, что львиная доля из кучек «для дядюшки» и «для Ивасика» вернётся в её липкие ладошки, правда, не сразу, как только она мужественно расправится с собственной, а постепенно.

Что ещё и лучше.

Глава 9

Отвлеклась Сольвейг лишь, чтобы расцеловать меня за куклу в кружевном чепце и нарядном платьице, «как у леди»! И ещё больше, чем кукле, которую тут же нарекла Ранеткой, Соль обрадовалась складной розовой колясочке. Старый ведун только посмеивался, глядя, как счастлива малышка и привычно ворчал, что я вернулась, чтобы вконец избаловать детей.

Ивасик на правах старшего терпеливо ждал, когда закончатся гостинцы для Соли, и, нет-нет да и поглядывал ревниво, не опустел ли мешок. Нет, если б названному братишке не досталось ничего, кроме конфет, он и не подумал бы обижаться – взрослый не по годам, мой светлый Ивасик, к сожалению, уже знает цену деньгам и понимает, что главное сейчас – добыть средства на его лечение. И потому, когда в руках мальчика оказалась модель парусника в бутылке, парусника со светящимися в темноте парусами, у Ивасика задрожали губы. Дальние путешествия и мореплавание – давняя мечта мальчика и я верю, что однажды он её осуществит. А пока парусник будет служить мелким ночником и своего рода путеводной звездой для братишки.

Когда следом за парусником из мешка появился секстант – прибор для измерения высоты солнца и других небесных светил и прокладывания пути по звёздам, Ивасик завопил похлеще Соль, а увидев скромный морской бинокль, утратил на какое-то время дар речи.

Взъерошив ещё больше вихры на детских головёнках, я выудила из рюкзака мешочек с ракушками и плоскими разноцветными камушками, собранными лично мной на самом красивом побережье Серого моря. Тут уж дети завопили на два голоса.

Дядюшка только головой покачал, с любопытством разглядывая потолок в бинокль.

– Теперь твой черёд, дядюшка, – хитро улыбнулась старому ведуну и тот поморщился с деланой досадой.

– Ишь, чего удумала, егоза...

– Вот...

Прекрасно зная дядюшку, я этим самым знанием воспользовалась, чтобы припасти для старого ведуна то, от чего он просто не сможет отказаться.

Травы, грибы и коренья, которых у нас не собрать. Три склянки с драгоценным жиром змеелукхи, – одна капля стократ усилит свойства любого согревающего бальзама. Да и вообще жир этот на вес золота, дядюшка точно найдёт, куда применить... Крохотный флакончик со слезой единорога. Горсть разноцветных

кристаллов из Самоцветных гор, чуть ушла тогда от здоровенных, с корову, грифонов с железными клювами, обитающих в тех же скалах, несколько драгоценных орехов выри...

И самое главное – мешочек с сугримами!

Пять золотых, пятнадцать серебряных и горсть медных грошиков – всё, что насобирала за два круга, откладывая жалованье горничной.

Окончательный расчёт Диана произведёт со мной, когда обнаружу последнее искомое.

Ведун потрепал меня по щеке.

– Себе, чай, не оставила ничего, егоза?

– Как это, не оставила, дядюшка? – притворно расширила я глаза. – Да и я в замке на всём готовом, как сыр в масле. Хозяйка меня и кормит, и одевает. На что мне тратить-то...

– Ври, да не завирайся, как сыр в масле, как же, – проворчал дядюшка. – То-то от тебя одни глаза остались...

Ивасик бросил в нашу сторону взгляд и старый ведун замолчал, качая головой. Братишка – самый светлый ребёнок в мире, без преувеличения. Огорчать его не хочется.

– Это ж за какие услуги леди такие деньжищи платит, – высыпав сугримы и грошики на стол, нахмурился дядюшка.

– Это моё жалованье горничной, – поспешила я заверить ведуна и добавила тихо: – Она больше даст, дядя. Много больше. Как только работу закончу. Ивасик не ходить будет, бегать. И твоё здоровье поправим, не спорь. И Соль... Ах, кстати! Ещё ж сукно на платье ребятишкам, у нас такого не купишь, этому сносу нет. Я сегодня намечу, в следующий раз сошью...

– Ты мне зубы не заговаривай, – строго сказал старый ведун, сгибаясь над столом, чтобы дети не услышали. – Не нравится мне это, девочка. Худое хозяйка твоя задумала. Я когда ещё говорил, и от слов своих не отказываюсь. Да ты ж упрямая, хуже нашей Анелки, хоть кол на голове теши...

Я вздохнула.

В принципе, я удивилась бы, задумай Диана что хорошее... И всё же я, не задумываясь, пошла на сделку с совестью. Кто осудит – пусть сперва послушает месяц-другой-третий жалобное завывание братика, у которого так болезненно срastaются кости, пусть заглянет в голодные глаза сестрёнки, которая бережно хранит фантик от самой первой в жизни конфеты, пусть увидит, как чахнет на глазах самый добрый и благородный в мире служитель Вещуньи, потому что истратил на других столько жизненных сил, что на себя ничегошеньки не осталось...

Если не я – кто о них позаботится?!

Кто поможет?..

Дядюшка и сейчас, даже несмотря на собственное состояние, продолжает творить добро: лечить зверьё и деревенских детишек, а сколько всего чудесного ещё сделает старый ведун, когда силы к нему вернуться?

И я буду не я, если не добьюсь этого!

– Она говорит, что от меня нужна только помощь с поиском сокровища, – тихо сказала я. – Ведь этот замок прежде Джёхеринам принадлежал, и клад в стенах её предки оставили... Я видела обрывок карты, она не врёт. То есть врёт, конечно, но не в этом: карта был писана кровью Джёхеринов. Диана заплатит в десять раз больше, когда найду, а компоненты для лекарства стоят так дорого, сам знаешь...

– Цыц, – перебил меня дядюшка, и, убедившись, что мелкие заняты вознёй и подарками, сообщил: – Свартов этот замок изначально был, девочка. Джёхерины твои в нём всего три поколения прожили. Да и упустили своё счастье, Драконье Гнездо старый граф, дед Дианы, в кости проиграл. Так что легко пришло – ещё легче ушло, замок же его деду в награду от Рагнара Безумного достался... Так

что прежде, чем помогать дамочке искомое обнаружить, советую самой разузнать хорошенько, что за врата такие.

Я вздохнула. О том, как потомки Чёрных Королей утратили Драконье гнездо, ныне именуемое Замком-на-Горе, после дворцового переворота, я знала. Как и о том, что лорд Сварт, прибывший издалека, выкупил замок, доведённый до плачевного состояния, заплатив цену чуть не вдесятеро больше. И за считанные годы привёл разорившееся графство Эссекс в порядок, после чего посватался к главной красавице Девяти Королевств: леди Диане Джёхерин... Впрочем, последнее никого не удивило. Удивительно было скорее, как ему удалось разорившееся имение так скоро на ноги поставить: ведь ехали же по «драконьим землям» – ничего общего с разрухой и запустением, что я с детства помню. Деревеньки ухоженные, дома сплошь новые или подновлённые добротнo, селяне в чистом, у женщин – платки на головах, у девушек в волосах ленты цветные... И ещё удивительнее – что сама Диана на предложение зеленоглазого Эйнара Сварта согласием ответила, почти и не кочевряжилась, кстати, всего шесть раз лорд дары присылал... Впрочем, лично для меня ничего удивительного в согласии леди Ди не было. И дело вовсе не в том, что дамочка, как её старый ведун зовёт, сокровище, спрятанное в стенах Замка-на-Горе ищет...

Глава 10

Больше болезненной темы мы не касались. Соль, наконец, закончила сортировать «фладости» и причапала к нам за стол, делиться. Пришёл и Ивасик, буквально. Передвижение его заняло куда больше времени, чем у мелкой сластёны, но зато грубо выструганные костыли, что стоят у кровати, мальчик мужественно проигнорировал и глядя в лучащиеся счастьем глаза братишки я в очередной раз убедилась, что всё делаю правильно.

И хоть время близилось к полуночи, спать малых никто не гнал, всё равно бесполезно. И у нас получился самый настоящий семейный вечер, как когда-то. Уютный очень и душевный. С ягодным взваром и сухариками из ароматного хлеба. Мелкие, понятно, предпочтения сладостям отдавали, даже Ивасик, который вообще-то к «фоколадкам» равнодушен. Я же с наслаждением грызла сухарики, даже в взвар макать их было жалко: хлеб, испечённый дядюшкой,

всегда был на вкус, как его объятия. Мелкие, не выпуская из рук ни куклу с коляской, ни секстант с биноклем, захлёбываясь, делились нехитрыми новостями, о том, как у Ростика коза – та самая, лопухая! – окотилась, и вот бы нам козлёночка с такими ушками, и что Елдыгир сыну ажно целую колесницу подарил, и в лесу опять золотую ланку видели, а у Пыжа маховые перья линяют...

Естественно, вся домашняя да дворовая живность к нам присоединилась: скреблись в двери, пока не пустили. В домике сразу стало тесно, но зато очень весело. Даже линяющий Пыж предпочёл ночной охоте наше общество и теперь, подрёмывая, чистил перья, сидя на подоконнике.

Когда дети, наконец, улеглись, стрелка на часах уже к трём подбиралась. Прислуга в замке встаёт рано, а значит, нельзя терять ни минуты. Что успею, тем подсоблю дядюшке. И обнови ребятишкам наметать ещё надо...

– Ты, может, тоже прилёт бы? – неуверенно спросила у ведуна, когда он следом за мной из дома вышел.

– Ты меня поучи, что делать, – проворчал дядя в ответ. – Ишь, пигалица...

И добавил уже с усмешкой:

– Бессонница у меня, девочка. Так что подсоблю уж, чем смогу.

Забравшись на крышу, я, как могла, подлатала прорехи. Знаю, на деньги, что принесла, не только крышу починить можно – терем новый отгрохать, но дядюшка, конечно, компонентов лекарственных для Ивасика закупит. И, как ни печально это осознавать, денег на то, чтобы поставить мальчика на ноги, всё равно не хватит. А ведь ещё Соль блокираторы подновить надо... А насчёт того, чтоб дядюшке себе зелья приготовить он и слушать не станет. Сначала дети, потом уж сам. И сколько ни тверди ему, что мелким он здоровым нужен, бесполезно. Отчихвостит, чтоб нос свой не совала, куда не просят...

– Кто же столько дров запasti помог? – обновив защиту вокруг дома, спросила я дядюшку. – Неужто деревенские.

– А как же, – хитро прищурился ведун. – Есть тут один рыжий да назойливый, всё ходит, выспрашивает, когда старшенькая моя вернётся...

Щёки мои зарделись против воли.

Дядюшка, понятно, на Олафа намекал, приёмного сына кузнеца. Олаф ещё мальчишкой с меня глаз не сводил, когда в Горшки по поручению ведуна бегала. Даром, что под «серой» личиной...

Один раз даже с «заезжими дворянчиками», как сам их презрительно обозвал, из-за меня сцепился. Те «дочку колдуна» решили своим вниманием осчастливить. Впятером... Я бы тогда сама справилась, а потом ещё б и «поучила» в лесу всю честную братию, как умею: они на охоту в наши края прибыли, вот и продлилась бы та охота на седмицу-другую-третью дольше запланированного, но уж больно красиво их тогда Олаф отделал, я даже от себя ничего «добавлять» не стала. Так, пара заговоров на мужскую несостоятельность, но разве ж это наказание? Уверена, мне столько девушек сказали бы спасибо, если б узнали. Да и сами «дворянчики» благодарить должны, что избавила от нездорового желания женщин бесчестить... В общем, залечила напоследок пару сломанных рёбер и носов, да предупредила шёпотом, что не дай Вещунья кузнеца сыну мстить будут, кости не только снова разойдутся, но и загниют. И ни один лекарь тогда не поможет.

Мне тогда тринадцать было, Олафу – восемнадцать. Тогда он и сказал, что будет ждать, пока в возраст войду, и дядюшке богатый выкуп заплатит, чтобы в дом свой хозяйкой меня ввести. Я посмеялась, конечно.

Но, чего уж там, приятно было. Дурёхе тринадцатилетней.

Олаф уже тогда был всех в Горшках выше и в плечах шире. Пригожий такой и... он был добрым... А ещё рукастым и молчаливым. Селянки по нему окрестными вёсками сохли. Да и мне, девчонке совсем, Олаф предметом мечтаний казался. Я даже представляла потихоньку, как он к дядюшке приходит, руки моей просить, а я тем временем ленты красные в косу вплетаю... Не то, чтобы я всерьёз тогда за Олафа собралась, но из всех деревенских он самым достойным был...

А я ведь, когда два круга назад уходила, даже не попрощалась с ним. Да и вспоминала от силы... ну разок так точно...

- Надо будет спасибо сказать, - тихо сказала я. - Когда в следующий раз приду...

- Скажи, скажи, - коротко хохотнул дядюшка. - Может, всю дурь из тебя вышибет и в облаках витать перестанешь, о невозможном мечтать...

Я как стояла, так и замерла с открытым ртом. Что я для дядюшки - открытая книга, и он меня лучше меня самой знает, то не новость совсем, с детства так было.

- Ты о чём, дядюшка...

- Ты мне дурочку из себя не строй. А то не вижу, можно подумать, что влюбилась по уши. Что, скажешь, в конюха чи в егеря? Не надо мне только голову дурить. На мужа дамочки, значит, губы раскатала.

Я хотела возразить, что не на мужа, а на жениха, но решила, что хрен редьки не слаще и потому промолчала, закусив губу.

Поработать над обновками для мелких так и не вышло. Времени не хватило. Меня дядюшка к речке Дымке проводил и там я, обернувшись речной выдрой, ихшана наловила полный кузовок. Хотела до дому помочь донести, да дядюшка не позволил, отправил обратно, в замок.

- Беги, егоза. Не зли дамочку. Лучше ещё другой раз придёшь.

Порывисто обняла старого ведуна. Он сдержанно похлопал меня по спине.

- Дядюшка, а что Русальник? Неужто раньше на этом круге расцвёл?

Дядюшка посмотрел на меня с сомнением.

- Дети из Нижних Погребцов, говорят, пропали, - пояснила я. Девчонка в замке сказала, что Русальник видели...

Ведун нахмурился.

– Девчонка, говоришь...

– Насья и Ивашка, кажется, – вспомнила я.

Ведун отмахнулся.

– Дома они, – как-то сухо сказал он. – И до Русальника ещё две седмицы. Наслушаешься тоже... Ты лучше скажи, что за девка такая, что ты никак о ней думать не перестаёшь?

В этом весь дядюшка. Пока не выяснит, что грузом на сердце лежит, не отпустит. Запираться бесполезно, умалчивать – тем более.

Пришлось признаваться. Каяться.

Как Марыську в коридоре нашла, как вид её хворый не понравился... Ну и как нарушила главный наказ дядюшки: силой поделилась.

– Пусть хоть небо на землю обрушится, поняла? – наставлял он меня, совсем ещё кроху. – Пусть солнце на западе встанет и на востоке сядет. Ни одна живая душа знать не должна, что ты силой делиться можешь, ясно тебе? Ни одна. Пусть хоть серая хворь вокруг бушует, народ сотнями косит, хоть ураган, хоть землетрясение, Йен. Ни одна душа.

Глава 11

Конечно, я обещала. Я вообще редко дядюшку ослушивалась. По-хорошему – всего однажды, когда, несмотря на его запрет, за Дианой ушла... Но проходило сколько-то времени и разговор этот повторялся. Снова и снова.

– Не нравится мне сила твоя, – говорил дядюшка. – Не сама сила, конечно, то дар бесценный, миру нашему неведомый, а то, как ты ей делишься. Слишком уж мощный поток, девочка, слишком. Обещай, что никто об этом не узнает.

– Обещаю.

– Пред Вещуньей поклянись! – настаивал дядюшка.

Делать было нечего. Приходилось клясться...

... – Девушка была в беспамятстве, – завершила я краткий пересказ событий в коридоре замка. – Вокруг никого. Я должна была так поступить, ей, правда, плохо было.

– Ишь ты, плохо, говоришь...

Неуверенно кивнула. Не поняла толком: будет дядюшка ругаться, или пронесёт. Впрочем, что ругаться... Меньше всего на свете я хотела расстроить или разочаровать ведуна, который был мне и отцом, и матерью, и наставником. И вообще – всем.

– А как силу вдохнула, отживела, значит?

– Мгновенно! – подтвердила я, и, вопреки логике, дядюшка нахмурился ещё сильнее.

Пожевав губами, наконец, изрёк:

– Совсем ты сдурела в своих заграницах. Кто ж силу зазря расходует, когда у матушки-природы попросить можно?

– Ой...

– Вот тебе и ой. Травками, оно, конечно, не так быстро и повозиться придётся, а всё ж таки пробитую оболочку восстанавливают.

Перечислив комбинацию нужных трав и рецепт их приготовления, дядюшка погрозил мне пальцем.

– Смотри, девочка, – сказал он. – Ты мне слово давала, помнишь?

Кивнула поспешно.

- Никаких больше передач в Драконьем Гнезде, поняла?

- Не видел никто.

- Нет, ну ты ей про Фому, а она тебе про Ерёму. Ты ей белое – она тебе чёрное! – рассердился-таки ведун.

- Поняла, поняла, больше не буду.

- Смотри, дочка, – серьёзно сказал дядюшка. – Ты мне слово дала.

Клюнув растрогавшегося от неожиданности дядюшку поцелуем в щёку, я устремилась обратно. На этот раз обернулась ланкой в золотых пятнышках и понеслась быстрее стрелы. Сперва-то птицей хотела. Но теперь, когда чуяла травки, которые перечислил дядюшка, останавливалась, собирала быстро и прятала в мешок. Сделаю для Марыськи ещё взвар укрепляющий – лишним не будет...

Потому и вернулась в замок лишь с рассветом, еле крылья волоча, – на гору всё ж сойкой взлетела. Уставшая, как шерп знает что, но счастливая до невозможности. Встреча с семьёй после долгой разлуки купала сердце в любви и даже усталость как будто не чувствовалась. Хотя я себя знаю – это лишь на ближайшие час-другой, а там как бы не свалиться, как та Марыська, прямо в коридоре...

- Тьфу, напугала, – беззлобно выругался зазевавшийся стражник, который, конечно, на голубую сойку внимания не обратил, а когда шла мимо уже горничной леди, зевоту подавил, глаза вытаращил. Даже живот втянул. Ну как втянул, попытался.

- Тебе чего не спится, красотка? – обдав запахом табака и совсем чуть-чуть перегара, поинтересовался стражник. – От тоски любовной маешься? Так приходи ко мне, утешу.

Кто о чём, а вшивый о бане.

– Так вы ж женаты вроде, господин утешитель, – улыбаясь, в тон стражнику ответила я.

– Ишь, – крякнул он одобрительно. – Ты ж новенькая! Откуда про жонку узнала-то?

Откуда-откуда...

– Так вы сами только рассказали, – беззаботно пожала я плечами, и стражник, хлопнув ладонями по бёдрам, расхохотался.

– А ты ловкая! – восхитился он.

– А то!

Я уже взбежала по ступенькам входа для прислуги, как свежий утренний ветерок донёс сплетение ароматов шимолости и лимоска. Я застыла на месте. Цветут эти два растения в разное время года: шимолость весной, лимоск – поздней осенью. А это значит, аромат, что ноздри щекочет, ни от того, ни от другого. Розетка это, как пить дать. Один из компонентов восстанавливающего отвара. По дороге розетка так и не встретилась, а петлять по лесу в её поисках я не решилась. К тому же розетка – горный цветок, в лесу ему делать нечего.

Скрипнув зубами, спустилась с крыльца и поплелась за угол. Лучше сейчас завершу сбор, а потом уже и подремать можно...

Розетка нашлась в замковой оранжерее – даже удивительно было, как я умудрилась различить её тонкий аромат среди изысканного розового шлейфа. Потирая руки, порадовалась своему упорству: розетка здесь – всего лишь сорняк, поленилась бы – и глядишь, к возвращению садовник уже выполол бы её...

– А я всё думаю, кто ворует мои розы, – раздалось сзади насмешливое.

Поспешно поднялась на вмиг подкосившихся ногах, оправила передник. Заправила за ухо выбившуюся прядь, убедившись предварительно в её бесцветности. Вдохнула поглубже и лишь после этого обернулась к хозяину замка и злополучных роз.

Лорд Сварт стоял, скрестив на груди руки, и наблюдал за мной с интересом.

– Вот так, сажаешь их, – продолжал он, явно не нуждаясь в моём ответе. – Ухаживаешь, как за детьми, а потом появляется наглый воришка и зарится на их красоту.

Я часто заморгала.

Умеет лорд удивлять, ничего не скажешь.

По дороге в Драконье Гнездо он и охотился наравне со своими людьми, и с разбойниками сражался, и речную хидру один на один одолел. А теперь выясняется, что он и розы выращивает. Может, он ещё и пироги печёт?

Повезло Диане, ничего не скажешь...

Зеленоглазый, конечно, прекрасно видел в моих руках пучок розетки, да и понимала я, что шутит он, но... разозлилась. Внезапно.

Без повода совершенно.

Потому и ответила несколько резковато:

– Не зарилась я на ваши розы. Розетку собирала.

– Совсем-совсем не зарились? – усмехнулся зеленоглазый. – Чтобы девушке не приглянулся сорт *magikasas queens*? Ни за что не поверю.

– Воля ваша, милорд, – ещё суше сказала я, невольно покосившись на пышные розовые кусты. Как назло, бутоны крупные, глубокого пурпурного цвета, с алым и жёлтым бархатным ободком... да эти розы были самым совершенством, чтоб

меня шерпы съели! – Только мне больше по вкусу полевые цветы.

– Вот как?

Сцепила зубы. Будь на моём месте леди Ди, зеленоглазый шутить не стал бы. Непременно б уже с поцелуями полез.

Я кивнула, пожала плечами.

– Может, их красота не такая броская, незаметная даже... Но такая настоящая, что сердце от нежности сжимается.

Выпалила и поспешно варежку захлопнула. Ну вот куда меня понесло, а? Сердце сжимается... Вот зачем зеленоглазому эта важная и столь необходимая информация?!

Думала, засмеётся. Не засмеялся.

Но от этого ещё только хуже!

– Впервые встречаю женщину, которая предпочитает розам сорняки. Ну что ж, вызов принят. Хотите осмотреть мою оранжерею? *magika queens* – не единственный сорт роз, которые здесь обитают.

И вот смотрю на него, чуть ли не как в Марыськтиной личине, с открытым ртом. Глазами блымаю. Он псих? На часах пять утра, замок только-только пробуждается, природа ещё сонно зевает, а он горничную своей невесты на прогулку по оранжерее зовёт?! Зачем?

– И в мыслях не было бросать вам вызов, милорд, – присела я в книксене. – Благодарю за любезность, но, если вы позволите, займусь всё же своими прямыми обязанностями.

И я уже развернулась к выходу, как...

– А если не позволю? – и тон такой, с улыбкой, аж скулы от злости сводит.

Оглянулась недоумённо.

– Я не шучу, – пожал плечами злыдень зеленоглазый. – Кому, кому, как не вам знать о вкусах своей хозяйки. Собственно, я спустился, чтобы нарезать цветов для утреннего букета...

Кулаки я сжала так, что от впившихся в ладони ногтей чуть не взвыла!

Вот оно что!

Ну конечно, зачем лорду спускаться в такую рань в оранжерею, если не для того, чтоб порадовать любимую букетом!

Ещё и собственноручно выращенных роз!

А-а-а!! Как же это злит!!!

– Прошу оказать любезность и составить мне компанию, – махнул рукой в приглашающем жесте лорд Сварт и уже нормальным тоном добавил: – Помогите составить букет, который понравится миледи.

И локоть подставил!

Как будто я в самом деле позволю себе взять его под руку!

Нет, ну не гад ли!

Глава 13

И тем более гад, что не соврал ни разу: в замковой оранжерее, по которой меня битый час водили, чего только не было!

Гиацинты, гортензии, каллы, эустомы, лилии и пионы... Но больше всего было роз. Большие и маленькие, с крупными, с кулак, бутонами и крошечными, с

ноготок лепестками, – такими нежными, такими прозрачными...

Соль здесь понравилось бы... Если у девочки есть ещё слабость помимо сладкого, то это цветы. Часами она может возиться с засушенными веточками, перебирать, сортировать... Дядюшка ворчал, что лучше б «полезные учила, а не красивые»... Но... ворчал-ворчал, а принёс девочке книжку «Как разговаривать на языке цветов». С тех пор с Соль сладу не стало, принялась вплетать травки в волосы и требовать, чтобы мы угадывали, что она этим хочет сказать...

...Зеленоглазого мой выбор удивил, и это мягко сказано. Признаться, я увлеклась. Немного. Но ведь сам сказал – то, что понравится леди Ди.

А я точно знаю, что никакие ей цветы не понравятся. Равнодушна Диана к ним. Но букет из чёрных, как вороново крыло роз, с красными капельками невероятно редкой алой гипсофилы, придётся если не по душе, то, по крайней мере, ко двору.

При взгляде на довольно мрачный и даже готичный букет, составленный мной, брови зеленоглазого лорда поползли вверх. Вспомнил, должно быть, как я давеча постельное цвета влюблённого поросё ему стелила «от Дианы в подарок» и, должно быть, задумался, что чегой-то о своей невесте не знает.

Может, ему в следующий раз её кружевную сорочку преподнести?

Впрочем, зелёные глазищи ещё больше азартом вспыхнули! Тьфу!

– А это вам, – лорд протянул мне пион. Нежно-розовый. С круглой головкой и нежными лепестками. – Не полевой, конечно, ну да что есть.

Сердце пропустило удар.

Ну вот как он умудряется попадать в самое... самое...

Слов нет, как я обожаю пионы! Про-о-осто...

Застыла в замешательстве, когда наши пальцы соприкоснулись. На миг всего. Словно показалось. Поспешно отдёргнула руку, закусила губу, понимая, что

выдаю себя с головой!

Да что ж такое, Йенни! Держи себя в руках!

- Йеннифер... - проговорил вдруг лорд задумчиво. - Редкое имя. Мы с вами не встречались прежде... Йеннифер?

- Может, во снах? - вымученно улыбнулась я и пояснила в ответ на приподнятую соболью бровь: - Здесь, на Севере, верят, что, когда тело отдыхает, любопытный дух путешествует.

- Вот оно что, - кивнул лорд, поджимая чётко очерченные губы и непонятно было, всерьёз он или нет. - Во снах, значит... А вы рано встаёте, Йеннифер, - добавил вдруг ни к селу ни к городу.

- Поздно ложусь, если быть точнее, - тихо буркнула я.

И больше меня, хвала Вещунье, не задерживали.

Облегчение, когда покидала оранжерею быстрым шагом, сжимая в руке стебель пиона, знатно подпортило чувство досады: спустя час блуждания с зеленоглазым по оранжерее шансы встретить старшую злыдню, сиречь Ани, горничную, у меня ещё выше!

* * *

Объясняться со старшей горничной по поводу моего вероломного отлынивания от работы в прачечной желания не было совершенно. А потому, дабы разминуться с ней, я обошла вход в оранжерею с другой стороны, миновала домик садовника...

И чуть не споткнулась о лежащую на тропинке женщину!

Сердце оборвалось: Марыська!

Неужто не помогла ей?

Но нет... Эта была совсем другая служанка, причём почтенного возраста, лет шестьдесят, не меньше...

Ну ни в какие ворота!

Сонное царство какое-то, а не замок!

- Эй, - осторожно потрясла за плечо спящую женщину и та, открыв глаза, сонно заморгала.

- Я что - заснула? - спросила она хриплым со сна голосом и закашлялась.

- Похоже на то.

- Как же всё затекло, - пожаловалась женщина. - И кости ломит...

- Так простудились, на сырой земле-то... Я вам отвар от лихорадки заварю и принесу...

- Глупости, - прокряхтела женщина. - Я из Белой Стужьей, всё детство босиком по снегу пробегала и не простужалась никогда... До сих пор в обуви неудобно.

Хотела возразить, сказать, что всё когда-то случается в первый раз, тем более не девочка ж уже... но не стала. Вот что насторожило: женщину эту я не видела раньше, могла б об заклад побиться! И тем страннее - глаза у женщины были знакомые.

Недовольно поморщившись, служанка поднялась и, забыв попрощаться, направилась к замку.

Я пожала плечами и поплелась следом.

Леди Ди у нас поздняя пташка, до полудня на перинах пронежится, так что может, разнообразия ради, мне повезёт, и хозяйка не вспомнит о своей «такой незаменимой Йенни», и мне даже подремать пару часов удастся...

Глава 14

За одиннадцать лет до основных событий

Жизнь в рыбацкой деревушке текла своим чередом. Не сказать, чтобы жизнь эта была чересчур тяжёлой, но и сильно радостной её не назвать.

Нет, радости в жизни этой, бесспорно, случались.

...Выбежать из дому перед рассветом, вдохнуть полную грудь солёной свежести, взглядеться, всё ещё сонно хлопая ресницами в предрассветную дымку... прислушаться к звенящей, наполненной ожиданием нового дня, тишине... ощутить полёт целого мира сквозь небесный голубой эфир...

...Улыбнуться раннему солнышку, попытаться задержать своими детскими пальчиками его ласковый луч на своей щеке... Нежный, сладкий, как мамин поцелуй... И хоть мамы у меня никогда не было, я точно знала, что, если бы она была, целовала бы именно так. Тепло и нежно, как солнышко...

...Вонзить зубы в сочное яблоко, захлебнуться кислым брызжущим соком, хрустеть с наслаждением сочной мякотью...

...Со счастливым улюлюканьем нестись со всех ног, прыгать с валуна на валун, скакать, что та горная коза, карабкаться на неприступную с виду скалу... И, покорив вершину, стоять, раскинув руки в стороны, подставляя лицо и грудь солнцу и ветру, взирать на безбрежные серые воды. И, конечно, кричать в ответ на призывные завывания! Орать во всю мощь лёгких, исчезать, растворяться в звуках своего голоса... А после потонуть в невероятной, звенящей тишине...

...Другое дело, что времени на такие вот простые и мимолётные радости катастрофически не хватало. Всегда. Жизнь у рыбаков тяжёлая, суровая, чаще всего я просто с ног валилась после работы по дому и во дворе. Что там говорить – я даже дружного рёва младенцев и переругивания Аньшаны со старшими детьми и мужем-рыбаком вскоре уже не слышала!

Чайка – та самая – от меня отстала.

Но вот ведь диво.

Чайка не появлялась, но за мной продолжали наблюдать!

В самые разные моменты ловила на себе по-человечески осмысленный взгляд курицы, вороны, соседской облезлой псины, нахохленного воробья, который терял внезапно интерес к рассыпанному по выметенной дорожке пшеницу...

Словом, зверье было разное, а взгляд один.

Пристальный. Наблюдающий. Обещающий что-то как будто...

Вот только... что?

А потом у нашей калитки появился он.

Он.

Дядюшка...

...Росту странник был невысокого, сухощавый, с худым, загорелым и испещрённым морщинами лицом и убранными в низкий хвост волосами с проседью. Одет был в портки и рубаху на выпуск, подпоясанную вышитым диковинными узорами поясом. Разглядеть, что за узоры было проблематично – вся одежда странника, включая заплечный мешок, была покрыта толстым слоем пыли, что значит, шёл мужчина издалека.

– Я за девочкой, – сказал он хозяевам сразу после приветствия. Голос у него оказался хоть и глуховатый, но приятный. – За Йеннифер. Дядя я ей. Как прослышал, что нашлась, да добрые люди приютили, сразу в путь отправился.

На меня обернулись недоумённо.

– Это твой дядя, Йенни? – спросила Аньшана.

– Ты же говорила, ничего не помнишь, – протянул Викрек, её муж.

Я посмотрела на них, на странника... а затем подошла к мужчине и взяла его за руку.

– Я его помню, – сказала просто. – Это мой дядя.

Конечно, я слухавила. Но не во всём.

Конечно, самого странника я не узнала и узнать не могла, более того, уверена была, что вижу мужчину впервые, но...

Я узнала взгляд.

Тот самый.

Пристальный. Наблюдающий. Обещающий что-то, чего в рыбацкой деревушке мне нипочём не получить...

А ещё я как-то сразу поняла, что мне не будет с ним плохо. Наоборот. Несмотря на суровый, диковатый даже вид, этот странный человек никогда меня не обидит. Ни меня, ни кого другого...

Конечно, семья старого рыбака не возражала против моего ухода и даже пригласили «дядю нашей Йенни» отдохнуть перед дорогой.

Но от гостеприимства странник отказался. Сказал, что дорога нам предстоит дальняя. Так что некогда... Правда, прежде чем уйти, малых от розовой сыпи вылечил. И Викрека от почечуя. После чего от припасов в дорогу отказываться не стал.

На отдых же мы остановились в рощице, на небольшой поляне.

Из заплечного мешка странника как по волшебству появился шатёр, котелок, разная утварь для долгого похода...

Я дёрнулась было рыбу чистить, но мужчина меня остановил.

– Сиди, егоза. Чай, умаялась-то, да и на рыбу смотреть не хочешь. Чай, не жалели тебя, девчонку ещё совсем, добрые люди.

Я пожала плечами. Иной жизни, кроме как тяжёлый каждодневный труд я просто не знала.

– А что же мне тогда делать?

– Сделай одолжение, отдохни. Идти нам и правда долго.

После, под потрескивание костра, разгорячённая и даже чуть опьяневшая от густой, наваристой рыбьей похлёбки, я отхлебнула ягодного отвара и решила спросить:

– А почему вы меня тогда чуть не утопили? Чайкой...

Странник, который сказал так и звать его – дядей – усмехнулся.

– Поняла, значит?

– Как не понять...

– Не утопить я тебя хотел, девочка. А шугануть хорошенько, чтобы из тела птицы, в котором ты застряла, вытряхнуть. Когда та ихтионка влезла, уж думал, всё. Уйдёт теперь девочка на морское дно со скользким рыбьим народцем... А она молодец оказалась, даром что рыба бесчувственная. Разглядела дар, прогнала тебя из Серого моря...

– Я испугалась тогда.

Дядя прищурился на меня лукаво.

– Меня ли?

– Себя, – призналась я. – Забыла ведь, что человеком была. Такой жах обуял, всё боялась обернуться ненароком.

– Как уж я боялся, – протянул странник. – Сразу за тобой вышел, спешил очень. Опоздать страшился. И ещё больше страшился, что заупрямишься, не признаешь.

– А как же вы меня нашли?

– Так я знал, где искать. К тому же светоч твой яркий такой, аж глаза слепит.

– Вы путь в обороте проделывали? – поинтересовалась я.

– Нет, егоза, разве не поняла ещё, что оборачиваться, как ты, я не могу. Только сознанием проникать в сознание зверей и птиц. И то ненадолго.

– Я поняла, что это вы за мной наблюдали.

– Это хорошо, что ты понятливая. Ты вот что, отдыхай, девочка. С завтрашнего дня я начну твоё обучение.

– Прямо в дороге?

– А чего время терять...

Глава 15

За одиннадцать лет до основных событий

По дороге к лесной хижине (в то время это была именно хижина, нечто среднее между избушкой и землянкой), ставшей мне впоследствии домом, мы с ведуном ночевали во встречных селениях, где, пользуясь случаем, пополняли припасы, но чаще всего разбивали лагерь под открытым небом.

Мне так самостоятельные ночёвки куда больше нравились!

Спать в чудо-шатре, который в сложенном виде занимал места не больше тыквенной фляги было, конечно, здорово! Интересно, как минимум, в силу магической природы оно... ровно до той ночи, пока мы однажды по настоянию ведуна не постелили себе под открытым небом...

Я лежала, кутаясь в одеяло из шерсти мантикоры и натянув до самого носа пушистую шапку и думала, надолго ли хватит выдержки у моей мерзлявости. А потом взгляд вдруг сам упал на звёздное небо... Да и провалился в него. Утонул. Безвозвратно. Звёзд было много, крупных, сияющих разными цветами и мелких, бледных, совсем далёких, едва-едва проступающих сквозь покрывало мироздания... Были они такими таинственными, такими прекрасными... Далёкими и близкими одновременно! Зная, что это ребячливость, и не в силах ничего с собой поделаться, я протянула руку в смехотворной попытке погладить светящиеся шарики... Глядя на разноцветное мерцание между своих пальцев я осознала вдруг невероятную близость звёзд, каким-то неведомым прежде чувством ощутила, что они ближе даже, чем дыхание... Стоит ли лишний раз упоминать, что ночёвки под открытым небом стали моим излюбленным приключением по пути домой.

...Долго ли длилось наше путешествие, сказать не могу, в какой-то момент мне стало казаться, что оно было всегда и никогда не закончится. Меня это целиком и полностью устраивало – я столько узнала и столькому научилась по дороге, что в двух словах и не описать. Причём эти, новые знания были, как минимум, поинтересней всех тех премудростей, которым меня выучили в рыбацкой деревеньке... По дороге ведун рассказывал об энергии, пронизывающей, наполняющей и составляющей этот мир. Рассказывал о том, что энергия эта даётся нам на время и однажды придётся её вернуть, потому относиться к ней нужно бережно, с уважением... О том, что энергия бывает разной, по плотности, цвету, воздействию, что бывает она густая, насыщенная, – среди чародеев принято говорить, магическая, – и разреженная, пустая, словом, обычная. Говорил дядюшка и о том, что и магическая энергия соткана из самых разнообразных потоков, как зримый мир состоит из цветов, запахов, звуков...

Начало моего обучения не ограничивалось лишь теоретической составляющей: после рассказов о магической энергии, которые я всегда слушала с открытым ртом, неизбежно начиналась практика: подчас весьма сложная и даже болезненная. С помощью дядюшки я развивала интуицию, истинное видение, способность говорить на одном языке со стихиями, а также готовилась к тому, чтобы учиться захватывать чужое сознание, как это делают ведуны. Чародей

сказал, что, побывав, будучи при этом в совершенной безопасности в чужом теле, я и свою способность к обороту скорее обуздаю. И, немного забегаю вперёд, оказался целиком и полностью прав: именно освоившись немного в зверином теле и не утратив при этом себя, я смогла с лёгкостью обуздать свою способность к обороту. Как и побороть страх оборота в птицу. Если бы не дядюшкина метода, я бы больше ни в жизнь не решилась. Слишком уж яркими оставались воспоминания утраты своего «я», растворения его в более низком, примитивном разуме...

От дядюшки узнала я и о Вещунье, прародительнице друидов, чей дух и сейчас оберегает своих потомков. Первую деву-друиду здесь и по сей день чтут, как Лесную Богиню.

Древние друиды могли оборачиваться в разных животных, но после древней, какой-то очень страшной беды утратили эту способность и с тех пор потомки тех, кого наделила силой Вещунья могут лишь захватывать своим сознанием чужое тело.

Потомков друидов ныне зовут ведунами.

Чем ведун сильнее – тем большим по размеру зверем он способен управлять.

– Шерп меня дёрнул в тот день, девочка, к Серому морю, да ещё в птицу, – рассказывал по дороге дядюшка задумчиво. – Как кольнуло что-то изнутри, да и не отпускало, пока тебя не разглядел... Стало быть, не зря я там в молодости ещё побывал, а тогда, когда корабль наш о скалы, значит, и выживших всего двое – я и шкипер, тогда я, мягко говоря, судьбу не возблагодарил...

Я слушала ведуна и холодела. Ведь «побродить» в зверином теле проще всего где-то рядом с собственным местонахождением, не каждому по силам «бродить» настолько далеко от дома. И уж точно невозможно «бродить» по местам, где прежде не был. Нет, когда уже «поймал» птицу или зверя – направляй их куда угодно, но вот «поймать-то» можно только там, где прежде бывал...

Получается, не разбейся дядюшка когда-то давно у этих берегов, не захватил бы он сознания той чайки и... я... мамочки!

Я могла навсегда остаться в птичьем теле!..

Вот ужас-то!

...К тому времени, как мы добрались до заветного леса, на мне был короткий заячий тулупчик и войлочные сапожки. И не только потому, что дальше – Белый Лес и Вьюжные Земли, а просто шли мы правда, долго.

Следующие пять лет были самыми тихими и спокойными в моей жизни. Не скажу счастливыми – потому что с появлением мелких счастья, конечно, прибавилось, и ощутимо, но... всё же жизнь в лесу вдвоём с дядюшкой... строгим, требовательным... добрым и любящим... то время всегда было и будет для меня особенным!

Избушку ведун отстраивал заново, нанял для работы деревенских парней. Никто мне особо не удивился, – ведун, конечно, не преминул воспользоваться случаем, чтобы преподать мне урок по ментальной магии, сиречь, внушению. И хоть все прочие виды магии помимо оборота и передачи силы мне особо никогда не давались, я не шучу, даже Соль уже сейчас куда талантливей меня во многом, всё же вскоре в окрестных вёсках уже считали, что у лесного ведуна дочка была всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/hant_diana/gornichnaya-s-sekretom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)